

18+

V. F.
WINTER

ШРАМЫ и *Шелк*

Хрупкое
ломается
громче

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

V. Winter

Шрамы и Шелк

<https://litres.ru/73585564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мишель — идеал. Жизнь, расписанная по минутам, безупречный шелк и дистанция, которую никто не смеет сократить. Она привыкла управлять взглядом, словом, судьбой.

Кейден — это хаос, затянутый в шрамы. Он презирает её «идеальный» мир и жаждет сорвать маску, за которой скрывается не ледяная принцесса, а та, чьи страхи он чувствует кожей. Он пришел не для того, чтобы играть по правилам. Он пришел, чтобы переписать их.

Она боится его власти, но вопреки здравому смыслу жаждет сгореть в этой близости. Когда грубые шрамы касаются запретного шелка, их миры рушатся. Но кто кого поглотит первым: он её покой или она — его тьму?

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	12
Глава 2.	31
Глава 3.	40
Глава 4.	65
Глава 5.	78
Глава 6.	92
Глава 7.	103
Глава 8.	124
Глава 9.	138
Глава 10.	147
Конец ознакомительного фрагмента.	158

V. F. Winter

Шрамы и Шелк

Пролог

Урок физкультуры на открытом стадионе «Норт-Хиллс» в мае был для меня персональным кругом ада. Пока весь поток сдавал нормативы на поле, пыль из-под ног сотен учеников летела мне в лицо, забивая легкие, а солнце пекло так, что красная беговая дорожка казалась раскаленной лавой.

Резкий, надрывный свисток тренера Миллера разрезал воздух, заставив меня вздрогнуть.

— Всё сюда! Живо в раздевалку! — проорал он, махнув рукой в сторону здания спортзала. — Десять минут на душ! Быстрее!

Толпа подростков сорвалась с места. Это был безумный забег, когда сотня потных, орущих парней несется к дверям, толкаясь локтями и сбивая друг друга с ног. Я намеренно замедлил шаг. Я не мог позволить себе оказаться в этой давке. Мне нужно было войти в раздевалку последним, когда все уже оденутся и уйдут.

Постепенно крики стихли, сменившись хлопаньем тяжелых дверей и гулом из глубины здания. Стадион стремительно пустел. Гул сотен голосов превратился в шелест ветра, го-

нящего пустые пластиковые бутылки по трибунам. Я добегал свой шестой круг в полном, как мне казалось, одиночестве. Это был мой способ переждать основной поток.

Мокрые от пота волосы до плеч липли к лицу и шее грязными прядями, но я даже не думал убирать их или собирать в хвост. Они были моей единственной защитой, хрупкой шторой, за которой я прятал то, что не должно было видеть солнце. Шрам на шее под слоем волос и плотной тканью серого худи горел так, будто в кожу впивались сотни раскаленных игл. Мертвая ткань всегда напоминала о себе, когда я перегревался, стягивая горло и лопатку тугим узлом.

— Брукс! — Миллер, стоя в тени под козырьком трибун, недовольно посмотрел на часы. — Ты не на прогулке! Заканчивай и проваливай в душ, иначе останешься здесь на вторую смену.

Я не поднял головы. Глаза впились в потрескавшуюся дорожку. На пустом, залитом мертвенно-ярким светом стадионе каждый мой шаг отдавался глухим эхом. Казалось, я один во всей вселенной. Но иллюзия тишины разбилась о знакомое улюлюканье.

С первой скамьи трибун донеслось издевательское свистение — Скотт Рейнольдс и его банда футболистов не спешили уходить. Они единственные остались сидеть на солнце, вальяжно наблюдая за моим одиночным забегом, как за скачками на избитой кляче. Скотт заржал, когда я, споткнувшись от усталости, едва не вылетел с дорожки в гравий.

Для них я был «Френки». Идиоты явно не читали Мэри Шелли, приклеив мне имя создателя вместо его безымянного творения, но в их скудных мозгах Франкенштейн и был тем самым монстром, сшитым из кусков мертвечины. Уродом, который даже в тридцать градусов жары не снимет кофту, чтобы скрыть свои «швы». Они ждали момента, когда я наконец сломаюсь под этим палящим небом.

Я зашел в раздевалку, когда гул голосов уже начал стихать — парни заканчивали мыться и расходились по классам. Внутри пахло хлоркой, старой сыростью и резким мужским дезодорантом. Это было типичное бетонное кладбище: ряды железных шкафчиков с облупившейся темно-синей краской и тот самый чертов открытый закуток в конце, где из стен торчали лейки душей. Никаких кабинок. Никаких занавесок. Только резкий свет ламп, который делал каждую тень на моем теле неестественно четкой.

Убедившись, что в помещении никого нет, я наконец стащил худи через голову. Спутанные пряди тут же упали на плечи, скрывая рубец, но я чувствовал его тяжесть. Я быстро сбросил остатки одежды, оставив всё на скамье у своего шкафчика, и босиком по скользкому холодному полу добежал до крайней лейки у стены.

Ледяная вода ударила по телу, выбивая воздух из легких. Я прижался лбом к холодному кафелю, зажмурившись. Здесь, в тишине, нарушаемой только гулом воды, я наконец позволил себе выдохнуть. Отводя мокрые волосы в сторо-

ну, я осторожно промыл шрам. Ярко-бордовый, бугристый и рваный, он выглядел на моей бледной коже как незаживающая рана. Он начинался у челюсти, обвинял шею и уходил по диагонали через лопатку, а другой его край грубым стежком перечеркивал живот и бок. Осколки каленого стекла в ту ночь сработали как шрапнель, превратив мою кожу в рваную карту. Я ненавидел это тело. Я ненавидел зеркала. Я ненавидел это место.

Я не успел даже дотянуться до полотенца, когда входная дверь раздевалки влетела внутрь с оглушительным металлическим грохотом.

— О-о-о! Смотрите, пацаны, наш монстр решил почистить перышки! — Скот Рейнольдс вошел первым, вращая на пальце ключи от своего пикапа. За ним ввалилась вся его команда, заполняя пространство шумом и запахом улицы.

Они окружили меня в секунду. Я застыл у «шеста» Брэдли, чувствуя себя загнанным зверем. Десяток смартфонов взлетел вверх. Вспышки камер слепили, фиксируя мою наготу, мои худые, дрожащие ребра и то, что я так отчаянно пытался скрыть.

— Боже, Френки, ну и рожа у тебя... то есть спина! — Скот шагнул ко мне. Его лицо светилось животным восторгом. — Думал, спрячешь это за патлами? Мы всё равно знаем, какой ты урод внутри и снаружи.

Прежде чем я успел закрыться, Скот шагнул ко мне и резко, до боли дернул меня за мокрые волосы, заставляя заки-

нуть голову назад.

— Посмотрите на эти швы! Его будто сшивали пьяные патологоанатомы в подвале, — заржал кто-то из парней, подходя ближе и снимая мой шрам макросъемкой. — Брукс, тебе на Хэллоуин костюм не нужен. Просто приходи голым — все дети города обосрутся от страха. Тебя в кунсткамеру надо сдать, в банку с формалином, пока не сдох.

Вспышки камер жадно выхватывали рваные края этой багровой ткани, которая под светом ламп казалась почти воспаленной. Шрам не просто был там — он словно оживал при каждом моем движении, натягиваясь и искажая контуры тела. Я выглядел как грубая подделка человека, которую пытались собрать из кусков, и эта работа была проделана в спешке, без тени жалости.

— Отдай вещи, Скот, — мой голос сорвался, превратившись в жалкий хрип. Я прикрывал пах руками, пытаясь отвернуться, но парни сзади начали толкать меня в спину, заставляя крутиться под прицелом линз.

— Слышь, Брукс, можешь ночью к моему брату зайти? Его срочно нужно припугнуть, таких кошмаров он точно не видел! — крикнул кто-то из глубины толпы под общий хохот.

Я понял, что стоять здесь и ждать — значит позволить им уничтожить меня окончательно. Я рванулся вперед. Просто напролом. Снес плечом Скота, который не ожидал отпора, и выскочил из раздевалки прямо в коридор.

Холодный воздух школьного коридора обжег мокрую кожу. Мои босые пятки шлепали по плитке выбивая ритм моего позора. Я бежал, прикрываясь руками, чувствуя, как по лицу текут капли — не то вода из душа, не то слезы ярости.

Коридор не был пустым.

Навстречу мне кто-то шел. Целая группа. Я замер на мгновение, и в ту же секунду наступила гробовая, удушающая тишина. А потом пространство взорвалось.

Этот визгливый женский хохот ударил меня под дых, как физический удар. Я видел только десятки поднятых рук с телефонами — черные прямоугольники линз, которые жадно впитывали мою наготу. Я дернулся в сторону, пытаюсь спрятать спину, спрятать шею, но смех был повсюду. Он заползал под кожу, лишал возможности дышать.

И тут я увидел её. Она стояла в самом центре этого безумия. Я видел только её лицо. Холодное, безупречное и бесконечно далекое.

Мишель Морган.

Пока остальные захлебывались от восторга, снимая мой побег, она просто смотрела. Её взгляд медленно скользнул по моим дрожащим коленям, по впалому животу и замер на моей шее. Там, где под мокрыми прядями волос горел мой самый страшный секрет.

Мишель не смеялась. Она медленно опустила взгляд. Осмотрела мои дрожащие колени, худые ребра и, наконец, её глаза начали медленное движение по моему телу. Она виде-

ла всё. Этот белый бугристый жгут на животе, изуродованную кожу на боку и, наконец, то, что я так отчаянно прятал под волосами — шею.

Она сморщила нос. Так смотрят на дохлую, гнилую крысу, которую случайно обнаружили на пороге своего дома. В её глазах не было ни грамма жалости — только ледяная, чистая брезгливость, от которой хотелось содрать с себя остатки этой кожи.

Скотт выбежал из раздевалки следом, тяжело дыша. Он по-хозяйски приобнял Мишель за талию, прижал её к себе и громко, на весь коридор, спросил: — Ну как тебе наш Френки, детка? Скажи, он достоин главной роли в фильме ужасов?

Мишель посмотрела мне прямо в глаза.

— Фу... — выдохнула она, отворачиваясь к Скотту с выражением глубокого страдания на лице. — Какая мерзость. Убери его отсюда, Скот, меня сейчас реально стошнит. Это просто физически отвратительно.

Они засмеялись. Весь коридор заполнился этим смехом, который впивался в мои шрамы лучше любых осколков стекла.

Я не стал дослушивать. Я бежал, не разбирая дороги, пока не нашел пустой кабинет в конце крыла. Влетел внутрь и запер дверь на засов. Ноги подкосились, и я тяжело рухнул на колени, едва не снеся учительский стол. В панике, движимый единственным инстинктом — исчезнуть, я попытался

забиться в узкое пространство под ним. Мне было там тесно; я больно ударился позвоночником о ящик стола, острые края железных ножек впивались в бедра, а голова едва помещалась в темноте. Тело было липким от холодного пота, кожа горела, но внутри я заledenел.

Я обхватил себя руками, пытаюсь сжаться, спрятать этот ярко-бордовый, пульсирующий ужас на своем теле. Но шрам будто стал больше. Он тянул кожу, впитывая в себя каждое слово, каждый смешок и этот ледяной, брезгливый выдох Мишель.

Физически отвратительно.

Я зарыдал — беззвучно, потому что на крик не осталось сил. Тело сотрясала крупная, судорожная дрожь. Я до боли впивался ногтями в собственную кожу рядом с рубцами, мечтая только об одном: чтобы этот стол, эта школа и всё это здание прямо сейчас провалились в бездну.

В пустом кабинете было так тихо, что я слышал собственное рваное, свистящее дыхание. Я сидел там, скорчившись в три погибели, голый и абсолютно раздавленный. В тот день под этим столом в «Норт-Хиллс» умер парень, который верил, что за шрамами можно разглядеть человека.

Осталось только это. Теснота, запах пыли и эхо её голоса, которое теперь будет звучать в моей голове каждую ночь.

Глава 1.

Мишель

Два года спустя

Колумбус в конце августа всегда напоминал мне раскаленную духовку, в которой медленно плавился асфальт. Я стояла на балконе своих апартаментов в жилом комплексе «Хайлайн» на двадцать четвертом этаже, лениво помешивая лед в высоком стакане с очищающим соком. Кондиционеры внутри работали на полную мощность, но здесь, снаружи, воздух был тяжелым и липким.

Я смотрела на город и он казался мне бесконечно скучным после трех месяцев на Амальфитанском побережье. Там, в Позитано, жизнь измерялась звоном бокалов с ледяным розовым вином на палубе яхты и солеными брызгами моря. Мой загар был тому подтверждением — безупречный, золотистый, он заставлял кожу сиять и дарил чувство абсолютного превосходства. В Колумбусе же всё выглядело серым и приземленным, несмотря на слепящее солнце.

Я тяжело вздохнула и вошла внутрь. Гостиная была заставлена пакетами из дорогих бутиков. Последние три дня мы с Эспен провели в торговых центрах, лихорадочно обновляя гардероб к началу третьего курса. На прошлой неделе мы специально летали в Нью-Йорк, чтобы пройтись по Пятой авеню — это было похоже на подготовку к войне, где наше

главное оружие — это шелк, кожа и правильные логотипы.

— Мишель, если мы опоздаем на первую лекцию к Уорду, он вычеркнет наши имена из списка живых! И плевать ему будет на твой итальянский загар! — Голос Эспен донесся из глубины гостиной под аккомпанемент шипения кофемашины.

Эспен Синклер была единственным человеком, чье присутствие в моем пространстве круглые сутки меня не раздражало. Мы с первого курса учились на факультете стратегических коммуникаций и связей с общественностью. Она была моей идеальной копией, только в другом цвете. Родом из Индиан-Хилл, самого богатого пригорода Цинциннати, она впитала в себя эстетику «старых денег» еще с пеленок. Её копна густых медно-рыжих волос сегодня была собрана в безупречный высокий хвост, ни один волосок не осмелился выбиться. Она выглядела свежо в своем белом теннисном костюме, листая ленту новостей.

— Уорд подождет, — я прошла мимо неё к кухонному острову. — Он обожает нагнетать обстановку.

Тишину прервал резкий, звонкий сигнал уведомления. Эспен, которая до этого крутила телефон в руках, вздрогнула и тут же впиалась взглядом в экран.

— Ого, — выдохнула она, и её брови взлетели вверх. — Слушай, страница «Каппа-Фи» в сети сейчас просто взорвется. У них только что вышел анонс, и там уже сотни репостов. Она быстро свайпнула по экрану, и в ту же секунду мой

телефон, лежащий на столешнице, вспыхнул, отозвавшись короткой вибрацией. Я взяла его в руки. На дисплее сиял анимированный логотип братства — золотой феникс на глубоком черном фоне. Это была закрытая прямая ссылка-приглашение.

«КАППА ФИ: ПЕРВЫЙ ЗАПЛЫВ

Где: Особняк на Уэст-Ривер.

Когда: Сразу после заката.

Дресс-код: Летний люкс.

Вход: Только по спискам и подтвержденным QR-кодам.

Мишель Морган +1 — Подтверждено».

— «Летний люкс», — Эспен хмыкнула, уже явно прикидывая в голове свой образ. — Похоже, твоему шелку сегодня найдется достойное применение.

Я заблокировала телефон, и на черном стекле отразилась моя уверенная улыбка. Пока тысячи студентов в кампусе гадали, как пробраться мимо охраны, мой пропуск уже ждал меня.

— Они завезли какие-то сумасшедшие туманные установки и неоновую подсветку для бассейна, — продолжила Эспен, уже просматривая видео из их сторис. — Весь кампус стоит на ушах. Кажется, сегодня вечером там будут абсолютно все.

— Другого от них и не ждали, — я отставила пустой стакан. — «Каппа-Фи» знают: если они провалят первую вечеринку семестра, их авторитет пойдет ко дну. А нам нужно

задать тон. Первый курс должен сразу понять, кто здесь устанавливает правила, а кто просто массовка.

— Именно поэтому я уже выбрала, что надену вечером, — Эспен хитро улыбнулась. — Но сначала — Уорд. Иди одевайся, «Порше» сам себя до университета не довезет.

Я скрылась в гардеробной. Это место было моим храмом — территорией безупречного порядка и тишины. Я долго перебирала вешалки, пока наконец мои пальцы не замерли на плотной ткани черного костюма.

Строгий жилет, надетый на голое тело, провокационно подчеркивал линию декольте и золотистый загар, а плиссированная мини-юбка открывала бесконечную линию ног. Финальным аккордом стали черные босоножки на шпильке: тонкие, почти невидимые ремешки изящно переплели щиколотки, добавляя образу опасного изыска.

Взяв свою сумку «Шанель», я коротким жестом бросила в неё ключи и телефон. Я посмотрела в зеркало и удовлетворенно кивнула. Образ «звезды» факультета был завершен — безупречный, острый и холодный, как лезвие бритвы.

Когда мой белый «Порше Тайкан» бесшумно выкатился с подземной парковки, я почувствовала прилив адреналина. Белый кузов сиял на солнце, отражая блики в витринах. Эспен на своей белой «Ауди» ехала следом. Мы ворвались в кампус Колумбус Стейт, как две молнии.

Первое занятие — «Основы имиджа». Аудитория была забита до отказа. Запах свежего кофе и легкий флер дорогих

духов — типичная атмосфера нашего факультета. Профессор Уорд расхаживал перед доской, его голос звучал гипнотически.

— Третий курс, господа, — начал он, окинув нас взглядом. — Это время, когда вы перестаете быть просто студентами и становитесь продуктами. Сегодня мы поговорим о том, как считывать человека по деталям, которые он сам считает незначительными. Наклон головы, выбор аксессуаров — всё это кричит о вашей сути.

Я лениво помечала главное в планшете, но его слова заставили меня оглядеться. Справа сидел парень, который пытался казаться «своим в доску», но его слишком туго затянутый галстук выдавал нервозность. Слева — отличница, чей образ скромницы трещал по швам из-за слишком вызывающего маникюра.

— Имидж — это броня, — продолжал Уорд. — Но если в ней есть хоть одна трещина, акулы пиара вас сожрут.

После лекции мы с Эспен направились в кафетерий. Это было самое «опасное» место в первый день. Здесь каждый сантиметр пространства был под прицелом сотен глаз. Стоило нам занять наш столик, как я почувствовала на себе десятки взглядов.

— Смотри, вон идет твой бывший «хвост», — Эспен кивнула в сторону входа.

Дилан. Он шел к нам с таким видом, будто собирался просить помилования. Типичный студент юридического — ру-

башка-поло и классические брюки. Добротно, но невыносимо скучно.

— Привет, Мишель. Привет, Эспен, — он остановился у нашего стола, неловко улыбаясь. — Я... видел твои фото из Италии. Выглядишь потрясающе. Как отдохнула?

Я медленно подняла на него взгляд, продолжая лениво прокручивать ленту в телефоне. Моя улыбка была вежливой, но пустой — той самой, которую я практиковала перед зеркалом для нежелательных встреч.

— Привет, Дилан. Спасибо, всё было замечательно, — я поправила на плече ремешок своей «Шанель», даже не делая паузы в своем занятии. — Надеюсь, твоё лето прошло так же продуктивно.

— Да, я практиковался в фирме отца... Слушай, может, пообедаем вместе на днях? Нам так и не удалось нормально поговорить перед отъездом.

— О, Дилан, — я мягко, почти сочувственно наклонила голову, глядя на него как на старое, но уже ненужное пальто. — Боюсь, мой график на ближайшие недели уже расписан по часам. Учеба, проекты, организация мероприятий... Боюсь, я не смогу выкроить время. Но было приятно поздороваться.

Лицо Дилана на мгновение застыло. В моем голосе не было злости, только абсолютное, непробиваемое отсутствие интереса. Он понял, что дверь не просто закрыта — её больше не существует.

— Понимаю. Что ж... удачи с проектами, — он неловко

кивнул и быстро ушел.

— Ювелирно, — усмехнулась Эспен, отпивая кофе. — Ты даже не повысила голос, а он выглядит так, будто его только что стерли из памяти.

Запах дорогого парфюма, смешанный с едкой хлоркой бассейна и ароматом тропических коктейлей, ударил в лицо на заднем дворе особняка братства. Это был настоящий гимн «идеальному телу». Бассейн пульсировал ядовито-бирюзовым неоном, и вода в нем буквально вибрировала от тяжелых басов, которые вколачивались в грудную клетку. Повсюду стояли специальные охладители, распылявшие ледяной пар — густой белый туман окутывал танцующих, превращая их в призрачные тени в лучах розовых прожекторов.

Я стояла на террасе, чувствуя, как прохладный туман касается кожи. Для вечера я выбрала платье-комбинацию из тяжелого натурального шелка цвета сливочного крема. Оно струилось по телу, словно жидкий металл, удерживаясь на плечах лишь за счет нитей-бретелей. Длинные пряди спадали на плечи легкими, небрежными волнами, обрамляя лицо и придавая образу мягкую, почти гипнотическую женственность. При каждом моем вдохе тонкая золотая цепочка на талии едва заметно поблескивала под шелком, привлекая внимание к изгибам, которые это платье не скрывало, а лишь искусно подчеркивало.

— Мишель, ты сегодня решила окончательно уничтожить

нашу психику? — К нам подошел Брэндон Рихтер, вице-президент братства, ослепительно улыбаясь.

Он и еще двое парней из «Каппа-Фи» тут же обступили нас, создавая вокруг нас с Эспен своего рода защитный кокон. Каждый из них старался «выгулять» свою крутость: расправленные плечи, дорогие часы, подчеркнуто уверенные позы. Для них быть замеченными в разговоре со мной означало мгновенный взлет рейтинга в глазах всего кампуса.

— Просто первый вечер семестра, Брэндон. Не стоит так драматизировать, — я одарила его своей самой светской, слегка ленивой улыбкой.

— Пойдемте к бассейну, — предложил он, жестом указывая на приватную зону. — Я забронировал центральный диван у самой кромки воды. Там лучший обзор, и, что важнее, туда не допущен ни один первокурсник. Полная приватность.

Мы медленно спустились по ступеням, и толпа расступалась перед нами, словно Красное море. Парни наперебой пытались вовлечь меня в разговор, обсуждая бюджеты предстоящего благотворительного бала и новые спонсорские контракты университета. Они очень старались показать, что они — мой «уровень», что они такие же акулы в этой воде, как и я.

Я слушала их, изредка кивая и делая глоток ледяного напитка. Эспен весело перешучивалась с парнями, а я просто наблюдала за происходящим со стороны, чувствуя себя ча-

стью этого привычного неоновом хаоса. Я знала, что выгляжу именно так, как того требует вечер, и это знание давало мне приятное чувство спокойствия. Всё было предсказуемо, понятно и шло строго по моему негласному сценарию.

— Слушай, Мишель, — Брэндон наклонился чуть ближе, понизив голос, чтобы перекрыть басы. — Мы планируем закрытый ужин для глав братств и студенческого совета в следующие выходные. Нам нужен твой взгляд на концепцию. Поможешь?

— Посмотрим, Брэндон. Пришли мне бриф в мессенджер, я взгляну на твой концепт, когда будет время, — ответила я, давая ему понять, что его предложение принято на рассмотрение, но не гарантировано.

Я стояла у самой кромки бассейна, глядя, как туман стелется по поверхности воды. В этом неоновом хаосе, среди вспышек света и восторженных взглядов, я чувствовала себя абсолютно всемогущей. Искусство имиджа работало безотказно: я была именно той картинкой, которую они все хотели купить.

Вдруг взгляд Брендона зацепился за кого-то в толпе у бара, и его лицо мгновенно просияло, разрушая его образ серьезного лидера.

— О, а вот и он! Кейден! Сюда! — Брэндон замахал рукой, подзывая парня к нам.

Я лениво повернула голову, ожидая увидеть очередного атлета в университетской куртке, но замерла. К нам шел

парень, который заставил мою уверенность дать трещину. Он был безумно, пугающе красив — той самой породистой, мужской красотой, которая не нуждается в одобрении толпы. На нем была простая темно-серая футболка, облегающая мощные плечи, и джинсы. В мире, где каждый второй сегодня щеголял в плавках, его закрытый образ казался вызовом. Больше всего притягивали взгляд татуировки: сложные чернильные узоры плотно покрывали его шею и полностью скрывали одну руку до самого запястья. Под лампами у бассейна его кожа казалась отлитой из бронзы.

Мой внутренний радар, обычно безошибочно определяющий статус и намерения любого мужчины, внезапно выдал системную ошибку. В груди на мгновение стало тесно. От него исходила такая плотная, концентрированная энергия, что воздух вокруг него казался наэлектризованным. Это не было похоже на дешевое бахвальство Брендона или щенячий восторг Дилана. Это была сила дикого зверя, который забрел на светскую вечеринку и едва сдерживает скуку.

— Чувак! — Брендон с размаху хлопнул его по плечу. — Рад, что ты всё-таки пришел. Будешь пива или чего покрепче? У нас тут всё по высшему разряду.

Парень даже не шелохнулся. Его колючие темно-серые глаза, холодные и абсолютно непроницаемые, лениво скользнули по бассейну, по толпе, но на нас с Эспен, стоявших в полуметре, он даже не взглянул. Этот тяжелый, свинцовый взгляд просто прошел сквозь нас, не зацепившись ни за одну

деталь, словно мы были лишь досадным визуальным шумом.

Я поймала себя на том, что не могу оторвать глаз от его лица. В нем была та опасная, выверенная эстетика, которую не встретишь на обложках глянца: короткая стрижка, густые темные брови, придававшие ему суровый, почти хищный вид, и резкая линия челюсти, подчеркнутая безупречной щетиной. Я завроженно наблюдала за тем, как свет неона играет на изгибах татуировки на его шее, чувствуя странное, несвойственное мне оцепенение.

Но для него я не существовала. В его личной иерархии мы были просто частью интерьера — не более интересными, чем пластиковые шезлонги или пустые стаканы у кромки воды.

— Я в порядке, — бросил он. Голос был сухим, ровным и пугающе низким. От этого звука по моей коже пробежала волна, которую я не могла контролировать.

Он медленно достал из пачки сигарету и всунул её в рот, так и не прикурив. В этот момент какая-то блондинка в бассейне помахала ему рукой, подзывая к себе. Он едва заметно кивнул ей, уже собираясь отойти.

— Если что, подходи, — бросил ему вслед Брендон, глядя на него снизу вверх с каким-то странным восторгом. — Тебе здесь всегда рады, ты же знаешь.

Парень, уже не оборачиваясь, небрежно салютовал двумя пальцами от виска и растворился в толпе, оставив после себя лишь шлейф горьковатого парфюма и тяжелое молчание. Это был первый раз в моей жизни, когда меня проигнориро-

вали так профессионально. Я чувствовала себя так, словно меня облили ледяной водой прямо в моем шелковом платье.

— И кто этот... персонаж? — в голосе Эспен прозвучало неприкрытое раздражение, но я видела, как она жадно прожогает его взглядом. Её тоже задел этот холод. — Он хоть знает, как себя вести в приличном обществе?

Брендон выдохнул с каким-то почти религиозным благоговением:

— Это Кейден Брукс. Гений с факультета компьютерных наук и кибербезопасности. Он — мозг, девочки. Парень видит мир в цифрах и стратегиях. Он вытащил мою задницу из такой ямы с серверами деканата, что я его пожизненный должник. Говорят, он может взломать систему безопасности Пентагона со своего телефона, если ему станет скучно. Таких людей лучше иметь в друзьях, чем в списках врагов. Он... он просто на другом уровне.

— Специфический вкус на татуировки для «гения», — буркнула Эспен, поправляя волосы, но её взгляд всё еще блуждал в толпе, пытаясь найти серую футболку. — Хотя, признаю, в нем что-то есть. Что-то опасное.

Кейден Брукс. Я повторила это имя про себя, и оно отозвалось странной вибрацией где-то под ребрами. В моём идеально выстроенном мире появилась переменная, которую я совершенно не учла. Я смотрела на сверкающую воду бассейна, но видела только его равнодушный взгляд. Все эти парни вокруг, пытающиеся поймать мою улыбку, внезап-

но показались мне картонными декорациями. Кейден Брукс был единственным настоящим человеком в этом тумане, и он был единственным, кому я была не нужна.

Это было не просто раздражение. Это был азарт. И легкий, едва заметный страх, который я поспешила спрятать за глотком коктейля.

Вечеринка продолжалась, и туман становился только плотнее, превращая задний двор особняка в декорации к какому-то сюрреалистичному фильму. Я не привыкла быть наблюдателем, но сейчас мне отчаянно хотелось понять, что скрывается за этим ледяным спокойствием Кейдена Брукса.

Я медленно прошла к ряду свободных шезлонгов у самой кромки воды, выбрав тот, с которого открывался идеальный обзор на бар и зону отдыха. Опустившись на сиденье, я откинулась назад, позволяя шелку платья еще плотнее облеечь тело. Я намеренно вытянула свои длинные, идеально ровные ноги, слегка скрестив их в лодыжках, чтобы свет бирюзового неона подчеркивал каждый сантиметр загорелой кожи. Это была выверенная поза — ловушка для глаз, которую я расставляла годами.

Кейден стоял всего в нескольких метрах. Он разговаривал с какой-то блондинкой — кажется, с младшего курса. Она заливисто смеялась, то и дело касаясь его плеча и откровенно флиртуя. К моему удивлению, его лицо больше не было каменным. Он отвечал ей, его губы тронула легкая, почти дружелюбная усмешка. Это злило. Значит, он умел замечать

женщин? Просто я не попала в его поле зрения?

Девушка, воодушевленная его вниманием, схватила его за руки и потащила в сторону бассейна. Кейден качнул головой, отказываясь, что-то негромко говоря ей в ответ. Она не сдавалась, смеясь и продолжая тянуть его на себя. В какой-то момент он, видимо, сдался: со вздохом, в котором читалось снисхождение, он поднял руки вверх в знак капитуляции.

Блондинка тут же ухватила за край его темно-серой футболки. Я замерла, не сводя глаз с этой сцены. Ткань поползла вверх, дюйм за дюймом открывая то, что Кейден так тщательно скрывал.

Когда футболка была отброшена, я едва не выронила бокал. Его тело было произведением искусства, мрачным и притягательным одновременно. Рельефный пресс, четкие кубики мышц и широкие плечи — он был сложен безупречно. Но татуировки... они были повсюду. Черный суковатый корень, бравший начало под челюстью, уходил за ключицу, оплетая шею. Вся его рука была забита плотным, безжизненным лесом, ветви которого переплетались в сложную черную сетку. С такого расстояния я не видела деталей, но эти тени и силуэты птиц создавали ощущение чего-то дикого и первобытного. На его животе и груди виднелось основное «корневище» этого мрачного дерева.

Кейден отошел от девушки, которая уже прыгнула в воду, и направился в мою сторону. Сердце предательски ускорило ритм. Он шел прямо на меня, но его взгляд всё так же блуж-

дал где-то в стороне, игнорируя моё присутствие.

Он остановился так близко, что я почувствовала жар, исходящий от его кожи. Не глядя на меня, он небрежным жестом бросил свою футболку прямо к моим ногам. Край ткани задел мои ноги. Кейден чуть наклонился, растегивая ремень на джинсах, которые теперь сидели низко на бедрах. Мой взгляд невольно скользнул вниз, отмечая отчетливые V-образные мышцы над пахом, уходящие под резинку черных боксеров, и тонкую дорожку темных волос, исчезающую там же.

Это было вызывающе эротично. Он раздевался передо мной, находясь в моем личном пространстве, но при этом продолжал вести себя так, будто перед ним пустое место.

Кейден расстегнул пуговицу, и через секунду джинсы упали на плитку рядом с моим шезлонгом. Оставшись в одних черных боксерах, он развернулся и, так и не удостоив меня даже мимолетным взглядом, спокойным шагом направился обратно к бассейну. Его спина, покрытая сложным узором ветвей, удалялась от меня, оставляя в воздухе только горький аромат его парфюма и моё ущемленное самолюбие.

Я смотрела, как он ныряет в воду, и чувствовала, как внутри закипает что-то новое. Это была не просто обида. Это был вызов, который я приняла.

Я продолжала смотреть, уже окончательно входя во вкус. Внутри боролись два чувства: привычное высокомерие и новое, острое, как лезвие ножа, любопытство. Я поймала себя

на том, что подалась вперед, чувствуя себя настоящей вуайеристкой, подглядывающей за чем-то, что не предназначалось для моих глаз. Но оторваться было невозможно.

Кейден подплыл к той блондинке, и она тут же, словно только этого и ждала, порывисто притянула его к себе. Её руки по-хозяйски оплели его татуированную шею, пальцы зарылись в короткие волосы, а ноги крепко обхватили его бедра под водой. Кейден, не прерывая контакта, мощными, уверенными толчками погнал их к противоположному краю бассейна — так, что мне открывался максимально детальный вид на их сплетение.

Он прижал её спиной к холодной плите борта. В ядовито-бирюзовом неоновом свете их тела казались отлитыми из ртути. Вода, стекающая по его широкой спине, подчеркивала каждое движение лопаток и рельеф мышц, забитых чернильным лесом. Это было вызывающе, запредельно эротично. Кейден что-то шептал ей на самое ухо, его губы едва касались мочки, и я видела, как взгляд девушки затуманился, стал пустым и покорным.

Я неосознанно сжала собственные бедра, чувствуя, как между ног разливается липкое, тягучее тепло. Внизу живота сладко потянуло; мне безумно, до дрожи в пальцах, захотелось оказаться на её месте, почувствовать эту животную уверенность, с которой он её держал. Кейден перешел к жадным, нетерпеливым поцелуям, буквально вгрызаясь в её шею. Его ладони, тяжелые и большие, ушли под воду, и

я видела, как он бесцеремонно сминает грудь девушки, заставляя её выгибаться навстречу. Она откинула голову назад, задыхаясь от удовольствия и плотно зажмурив глаза, а его пальцы, казалось, проникали в самую её суть сквозь тонкую ткань купальника.

Я резко отвернулась, неловко оглядываясь по сторонам — не заметил ли кто-нибудь, с каким жадным интересом я поглощаю эту сцену? Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Я сделала несколько больших глотков коктейля, чувствуя, как ледяная жидкость обжигает горло, но она была бессильна против того пожара, который Кейден разжег во мне этим зрелищем.

Когда я снова рискнула посмотреть на бассейн, блондинка уже выходила из воды, подрагивая всем телом. А Кейден... он плыл прямо в мою сторону.

Я мгновенно подобралась, подтянув колени ближе к себе, словно эта закрытая поза могла скрыть мой растерянный вид и влажный блеск в глазах. Когда он начал выходить из бассейна прямо передо мной, вода стекала с его тела мощными струями. Тонкая ткань черных боксеров облепила его кожу так плотно, что я отчетливо увидела каждую деталь его возбужденного мужского достоинства. Каменный, внушительный член отчетливо прорисовывался под мокрой тканью, не оставляя места для воображения. Я шумно сглотнула и отвела взгляд в сторону, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

Он подошел вплотную к моему шезлонгу, возвышаясь на-

до мной, как темная скала. Я заставила себя обернуться, чтобы не выглядеть трусихой, и наткнулась на прямой, обжигающий взгляд.

Кейден смотрел прямо на меня.

Его лицо было серьезным и пугающе злым. От того дружелюбного парня, который пару минут назад заставлял девушку стонать, не осталось и следа. Он уже успел натянуть джинсы на мокрое тело, и сейчас его свинцово-серые глаза буквально препарировали меня. Мне стало не по себе — со мной еще никогда такого не было. Я чувствовала себя так, будто меня поймали на воровстве и сейчас последует заслуженное наказание.

Он медленно достал сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся, не прерывая нашего визуального поединка. Кейден стоял вплотную к краю шезлонга, нагло вторгаясь в моё пространство. Глядя мне прямо в глаза — холодно, пронзительно и почти зло — он выпустил густое облако горького дыма прямо в мою сторону. Серая пелена на секунду скрыла его лицо, и я замерла, боясь пошевелиться. В этот момент мир вокруг перестал существовать — остались только этот едкий запах табака и его взгляд, настолько тяжелый, что я физически ощутила его давление. Это было молчаливое, грубое предупреждение.

Не проронив ни слова, он резко наклонился и одним хозяйским движением подхватил с пола свою футболку, лежавшую у моих ног. Кейден выпрямился, бросил на меня по-

следний, полный холодного презрения взгляд, и развернулся. Я смотрела ему в спину, пока его татуированный силуэт не скрылся в дверях дома, куда ушла та девушка.

Я осталась сидеть в шезлонге, оглушенная и совершенно разбитая, понятия не имея, что только что произошло. Тело всё еще вибрировало от возбуждения, а в голове пульсировал только один вопрос: кто этот парень, и почему один его взгляд ощущается как смертный приговор моему спокойствию?

Глава 2.

Кейден

Гул серверного блока в углу комнаты — единственный звук, который не вызывал у меня желания что-нибудь сломать. Этот низкий, ровный шум был моим личным белым шумом. Под него я засыпал, под него же и проснулся. Стены в кирпичном корпусе для джуниоров были достаточно толстыми, чтобы не слышать соседей, но недостаточно плотными, чтобы сдерживать духоту. Конец августа в Огайо — это вязкий, липкий воздух, который проникает под кожу еще до того, как ты успеваешь открыть глаза.

Я сел на кровати, чувствуя привычное напряжение в затылке. Одноместка была моей крепостью, выбитой грантом по кибербезу. Моя территория. Мои правила. Без соседей, без чужого запаха и без лишних вопросов.

Подойдя к окну, я отодвинул штору. Внизу, на асфальтовых дорожках, уже вовсю кипела эта муравьиная возня. Студенты со стаканами из «Старбакса», фальшивые приветствия, натужный смех — всё это казалось мне дешевой постановкой.

Вчера я вообще не планировал вылезать из своей берлоги. Когда на экране вспыхнуло сообщение от Рихтера, вице-президента Каппа-Фи, я даже не стал его открывать. Я знал, что там: очередная доза пафоса, дешевого пойла и тел, отчаянно

ищущих внимания. Я презирал эту напускную социальщину, где каждый измерял свою ценность количеством лайков и близостью к «элите» кампуса. Вся эта жизнь университета казалась мне тошнотворно пустой, игрой в имитацию, в которой я не хотел участвовать.

Но потом я столкнулся с Вики.

Она училась на втором курсе юридического и была из тех девочек, что выглядят безупречно даже в восемь утра. Светлые волосы, аккуратный маникюр и взгляд, в котором читалось желание быть замеченной кем-то вроде меня. Она так сладко и настойчиво звала меня на эту вечеринку, что во мне проснулся хищный, почти пассивный интерес. Мне было любопытно посмотреть, на что она пойдет, если я всё же соизволю явиться.

И Вики не разочаровала.

К середине ночи, когда неоновый туман у бассейна стал совсем плотным, она завела меня в какую-то дальнюю комнату на втором этаже особняка. Там пахло старой мебелью и чьим-то дорогим парфюмом. Она не тратила время на пустые разговоры. Вики знала, зачем я пришел, и, кажется, была готова на всё, чтобы удержать мой взгляд. Она просто опустилась передо мной на колени, глядя снизу вверх с той самой покорностью, которая обычно покупает мужчинам их эго. Я стоял, прислонившись к стене, и наблюдал за её стараниями с холодным безразличием, позволяя ей делать всё самой. Это было технично, удобно и абсолютно бездушно.

Именно так, как мне и требовалось, чтобы заглушить шум в голове.

А потом была Мишель.

Я вспомнил её лицо у бассейна, когда выходил из воды. Она сидела на своем шезлонге, как королева на троне, окруженная свитой пажей, которые ловили каждое её движение. Весь её вид — этот шелк, стекающий по бедрам, золотая цепь на талии — был вызовом. Она привыкла, что её хотят все. Привыкла, что её взгляд — это награда.

Но когда наши глаза встретились, я увидел, как её маска дала трещину. В её глазах промелькнула растерянность, которую она не успела спрятать. Она смотрела на меня, не в силах отвести взгляд, и я буквально кожей чувствовал её шок от того, что кто-то может просто пройти мимо, не зафиксировав её как центр вселенной. Мне стало по-настоящему смешно. И в то же время внутри поднялась темная, агрессивная волна. Мне хотелось раздавить её самоуверенность, показать, что её лоск не стоит и цента в моем мире.

Я подошел к стойке и заварил себе кофе. Черный, горький, как деготь. Сел за компьютер, и монитор мгновенно залили комнату холодным синим светом.

В свободное время я занимался тем, что препарировал этот университет изнутри. Мой почтовый ящик в даркнете был забит заказами. Студенты — существа предсказуемые. Кто-то готов был отдать пять тысяч за исправление «С» на «А» в системе Canvas, кто-то платил штуку за слитые ответы

к тестам профессоров. Были и те, кто хотел мести: взломать чужой Instagram, подчистить старый компромат или собрать грязное белье на бывших. Я делал всё: от обхода университетского Wi-Fi до настройки «цифровых крепостей» для параноиков.

Это были легкие деньги, и я брал их только наличными. Каждая пачка купюр, которую я отвозил матери раз в месяц, была моей гарантией того, что она больше никогда не вернется к жизни на грани нищеты. Я хотел, чтобы она ни в чем не нуждалась, и мне было плевать, чьи карманы для этого придется опустошить.

Я начал вводить код, и строчки символов побежали по экрану, возвращая мне привычное чувство контроля. Но где-то на периферии сознания всё еще мелькал образ “королевы” в шелковом платье. Её длинные темно-каштановые волосы и этот застывший, растерянный взгляд человека, который впервые в жизни не получил того, на что рассчитывал.

Интересно, Мишель, как быстро ты поймешь, что твоя власть заканчивается там, где начинаются мои цифры?

Прошла неделя. Очередная пустая неделя в этом кампусе, где каждый день похож на предыдущий.

Ритм Gesaffelstein вколачивал в череп тяжелые, промышленные гвозди. Я бежал уже сорок минут, выжигая из системы остатки паршивого сна. Мышцы горели, легкие работали на пределе, а пот стекал по татуировкам, делая их еще тем-

нее на коже. Это был единственный способ не сдохнуть от скуки в этом фальшивом городке.

На подходе к общаге я заметил ее.

Она стояла у входа, в тени колонны, и от ее привычного пафоса не осталось и следа. Вместо шелка — черный рашгард и лосины, облеплявшие тело так, что не оставалось места для фантазии. Она выглядела так, будто пыталась исчезнуть, раствориться в кирпичной стене, но ее аура «дорогой жизни» всё равно фонила за милю.

Я не замедлил шаг. Мне было плевать, зачем она притащилась к моему корпусу. Когда я уже почти поравнялся с ней, она резко отделилась от опоры и перегородила мне путь. Я не остановился сразу, продолжая движение, пока не оказался в опасной близости, заставляя её инстинктивно напрыгивать. Только когда я понял, что она смотрит прямо мне в глаза и что-то говорит, я рывком сорвал наушники.

Я замер, чувствуя, как пар идет от моего разгоряченного тела на прохладном воздухе.

— Что? — я бросил это максимально сухо, не скрывая, что её присутствие здесь меня раздражает.

— Мне сказали, ты лучший. Что можешь помочь. За деньги. За очень хорошие деньги.

Я даже не стал вникать. Просто покачал головой и уже занес руку, чтобы вернуть наушники на место. — Не знаю, о чем ты. Иди домой.

Я двинулся мимо, намеренно задевая её плечом, но она

рванула следом, почти переходя на бег. — Я знаю, чем ты занимаешься в этом университете! — крикнула она мне в спину. — Ты должен мне помочь.

Я резко развернулся. Ярость вспыхнула мгновенно — она привлекала слишком много шума. Сделав три широких шага, я буквально вжал её в кирпичную кладку. Я навис над ней всем весом, перекрывая обзор любому, кто мог бы заглянуть ей в лицо. Мои ладони уперлись в стену по обе стороны от её головы.

Именно в этот момент мимо проходила группа парней из футбольной команды. Они замедлили шаг, откровенно пялясь на нас и перешептываясь, оценивая нашу двусмысленную позу у входа. Мне это чертовски не понравилось. Весь мой успех строился на том, что меня никто не замечал. Я был тенью, призраком в системе, а стоять вот так, пригвоздив к стене самую заметную девчонку университета — это всё равно что нарисовать на своей спине мишень. Рядом с ней оставаться незамеченным было невозможно, и это бесило больше всего.

— Ты мне угрожаешь? — мой голос упал до опасного шепота, пока футболисты, ухмыляясь, скрывались за дверью. — Думаешь, пара слухов дают тебе право орать об этом на весь кампус?

Она вжалась в кирпич. Весь её королевский лоск осыпался. Она смотрела на меня снизу вверх, и в её глазах была такая потерянность, какую не встретишь у девочек её круга.

Она выглядела так, будто её мир только что пошел трещинами.

— Нет... — выдохнула она, и её горячее дыхание коснулось моей шеи. — Конечно нет. Просто мне нужна помощь... Кейден.

Моё имя. Оно прозвучало из её губ неожиданно мягко. Не «Френки», не какая-нибудь кличка. Кейден. Это на секунду сбilo мой настрой, заставляя ослабить давление.

Я опустил руки и медленно осмотрел её — от растрепанного хвоста темно-каштановых волос до черных кроссовок. Она не ждала моего разрешения. Слова посыпались из неё сами, сбивчиво и торопливо, будто она боялась, что я надену наушники и уйду навсегда.

— У меня есть старый аккаунт, еще со школы. Сегодня пришло уведомление о подозрительном входе. Я проверила историю сессий — кто-то зашел в профиль ночью. Айпи полностью скрыт, никаких следов. Там... личные переписки, Кейден. Фотографии. Я поняла, что меня взломали. Мне нужно, чтобы ты нашел того, кто это сделал.

Я слушал её, сохраняя на лице маску полного безразличия, хотя внутри ворохнулось темное удовлетворение. Я знал этот скрытый айпи — он принадлежал одному из моих анонимных прокси. Я лично просматривал те чаты неделю назад, наслаждаясь тем, как глубоко я залез в её жизнь.

— И что именно там было? — я прищурился, глядя на то, как она нервно сглатывает.

— Это тебя не касается, — она попыталась вернуть себе прежнюю холодность, но взгляд оставался затравленным. — Мне просто нужно, чтобы ты вычислил этого ублюдка и почистил всё у него. Чтобы у него ничего не осталось.

Я смотрел на неё в упор, наслаждаясь тем, как её уверенность осыпается под моим взглядом. Она стояла передо мной — беззащитная, напуганная, готовая платить любые суммы тому, кто сам же её и выпотрошил.

— Это будет стоить очень дорого, Мишель. Ты даже не представляешь насколько.

Она открыла рот, чтобы что-то возразить, возможно, начать торговаться или снова напомнить о своей важности, но я не дал ей вставить ни слова. Я отступил от неё на шаг, разрывая ту душную близость, которая секунду назад прижимала её к кирпичной стене. Надел один наушник, давая понять, что аудиенция закончена.

— Я подумаю, — бросил я, вытирая пот с лица краем футболки, на мгновение обнажая полоску татуировок на животе.

— Подумаешь? — она явно не ожидала такого ответа. — Но мне нужно это сейчас. Ты не понимаешь, там...

— У меня полно работы, — перебил я её холодным, лишенным интереса тоном. — Серьезной работы. Мне нет дела до твоего школьного шлага и старых переписок. Ты пришла без приглашения и отняла моё время.

Я развернулся и пошел к дверям общежития, чувствуя её ошеломленный взгляд кожей между лопаток.

— Кейден! — крикнула она вслед, но я даже не обернулся.

Я вошел в прохладный холл, и тяжелая дверь с глухим стуком отсекла её от моего мира. Поднимаясь по лестнице, я чувствовал странное, темное удовлетворение. Мне не нужно было ничего проверять и уж тем более «думать». Её файлы уже лежали в зашифрованной папке на моем внешнем диске.

Я просто хотел посмотреть, как долго она продержится, прежде чем снова приползет ко мне. А она приползет. У таких, как Мишель, страх за свою репутацию сильнее гордости.

В ушах снова взревел ломаный ритм Gesaffelstein. Эта девчонка сама пришла в ловушку, даже не подозревая, что ключ от её клетки уже давно у меня в кармане.

Глава 3.

Мишель

Я сидела в машине, вцепившись в руль так сильно, что костяшки пальцев побелели. Нога нервно выбивала рваный ритм по педали. Какого хрена сейчас произошло? Кто он такой и кого, черт возьми, из себя возомнил?

Я — Мишель. В этом кампусе парни готовы выстраиваться в очередь, чтобы просто поймать мой взгляд. Даже геи мечтали попасть в круг моих друзей, потому что это гарантировало статус. А этот... этот дикарь посмотрел на меня с таким отвращением, когда мимо проходили футболисты, будто я была заразной. Будто я — грязь на его подошве, которую он боится зацепить, чтобы не испортить свои гребаные кроссовки.

— Мудак, — выдохнула я, ударив ладонью по рулю.

Что с ним не так? Он явно не гей — я видела его неделю назад на той вечеринке у бассейна. Я видела, как он обхаживал ту девицу, и с каким видом, полным вальяжной уверенности, пошел за ней в дом, явно рассчитывая на «добавку». Он точно знал, чего хочет от женщин, и получал это. Но со мной он вел себя так, будто я заставляю его делать что-то омерзительное. Он заставил меня упрашивать. Меня!

Я резко вывернула с парковки, направляясь к своему дому.

В лифте я избегала своего отражения в зеркале. Поднявшись в апартаменты, я швырнула ключи на консоль и зашла в спальню. Руки дрожали. Я стянула через голову тесный рашгارد, подошла к панорамному зеркалу и замерла. Моя кожа — обычно идеальная, оливковая — была покрыта неровными красными пятнами. Стресс всегда бил по мне так.

— Боже, какая же я дура, — прошептала я, открывая макбук прямо на кровати.

Почему я не удалила этот аккаунт еще летом после выпускного? Почему оставила это помойное ведро открытым? Я снова зашла в настройки. IP скрыт. Вход выполнен ночью. Тот, кто это сделал, залез в самый глубокий шкаф с моими скелетами.

В памяти всплыли школьные годы. Мы творили безумные вещи. Мы чувствовали себя богами, которым позволено всё. Я вспомнила, как мы смеялись над тем, что происходило на вечеринках... Но сейчас, спустя время, эти воспоминания отдавали горечью.

Скотт. Мой бывший. Боже, каким он был идиотом. Я была так рада, когда разорвала с ним всё сразу после выпускного. Но прошлое всё еще хранилось в архивах старых чатов, где мы когда-то были неразлучны. Там были Сиера и Мэддисон.

Я вбила в поиск «Сиера Картер», и экран тут же заполнился кадрами ее новой, ослепительной жизни. Колледж в Лондоне, закрытые показы мод и бесконечные селфи с наследниками европейских фамилий. Сиера выглядела безупречно

— еще более холодной и недостижимой, чем в школе.

«Мэддисон О'Коннел» тоже не разочаровала. Ее профиль пестрил фотографиями с элитных вечеринок в Хэмптонсе: бокалы дорогого шампанского, яхты и идеальные фильтры, скрывающие любую тень усталости.

Они двигались дальше, покоряя новые вершины и обрстая правильными связями, пока я застряла здесь, пытаюсь склеить осколки своего контроля. Глядя на их сияющие лица, я почувствовала странный укол — смесь ностальгии и горечи. У них всё было в порядке. Их мир остался таким же ярким и защищенным, в то время как мой шелк, кажется, начал давать первые трещины.

Дрожащими пальцами я ввела: «Скотт Рейнольдс».

Страница открылась. Он не был в сети вечность, но его «стена» превратилась в бурлящую выгребную яму. Я пролистала вниз до последней фотографии, где он позировал в футбольной форме, и наткнулась на бездну. Сотни, тысячи гневных комментариев, от которых веяло настоящей, осязаемой ненавистью.

@J_Harris98: *«Сдохни в канаве, кусок дерьма. Накачать девчонку, потому что по-другому у тебя не встает? Ты животное, Рейнольдс».*

@Cincy_Beast: *«Надеюсь, в тюрьме тебе подсыпят в еду кое-что похуже, чем то, что ты подсыпал Диане. Жди своего часа, ублюдок».*

@Killer_V: *«Твои стероиды выжгли тебе не только мозги,*

но и остатки совести. Как ты вообще еще коптишь это небо?»

Я замерла, пытаюсь понять, что именно вызвало этот шквал, пока не наткнулась на закрепленный в топе комментарий:

@News_Flash_Uni: «Выставив это видео на своей странице, ты реально думал, что останешься безнаказанным? Каким надо быть идиотом, чтобы самому опубликовать такое доказательство? Видимо, наркота, которую ты в себя закидываешь пачками, сыграла с тобой злую шутку, Скотти. Поздравляю с окончанием карьеры».

Всё указывало на то, что Скотт совершил публичное самоубийство, выложив запись своего издевательства над девушкой, пока та была в отключке. Но чем больше я вчитывалась, тем отчетливее по спине пробежал холод. Скотт был кем угодно — подонком, насильником, торчком — но он не был идиотом. Он никогда бы не нажал «опубликовать» на таком видео добровольно.

Осознание ударило наотмашь: его подставили. Его аккаунт, его телефон, вся его цифровая жизнь были взломаны и выпотрошены кем-то невероятно расчетливым. Этот «кто-то» просто зашел в его профиль и выстрелил Скотту в висок его же собственными секретами.

Я с силой захлопнула крышку ноутбука, чувствуя, как комната начинает сжиматься до размеров клетки. Дыхание перехватило. Что ты натворил, Скотт? Насильник? Наркоти-

ки?

Первой мыслью, липкой и эгоистичной, был страх за саму себя. Если кто-то в этом университете узнает, что я была его девушкой, что я была частью этой «элитной» компании, когда всё это происходило... моя жизнь здесь закончится, не успев начаться. Мой идеальный образ, который я так тщательно выстраивала, разлетится в пыль под весом его преступлений. Меня просто смешают с той же грязью, в которой теперь тонул он.

Но следом пришло осознание, которое было куда страшнее потери репутации.

Я судорожно сглотнула, чувствуя, как невидимая петля затягивается на моей шее. Скотт был подонком, но он не был идиотом. Он никогда бы не опубликовал такое видео добровольно. Его взломали. Его аккаунт, его телефон, вся его цифровая жизнь были выпотрошены кем-то невероятно расчетливым, кто просто нажал на курок, используя его же секреты.

Тот, кто взломал мой профиль, явно метил в ту же цель. Он хотел уничтожить меня так же показательно и грязно. Но у меня не было настолько чудовищного компромата, я не совершала ничего подобного... тогда чего он ждет? Что он сделает со мной, когда в его руках окажутся мои переписки, мои фото, мои мысли?

Я не знала, чего ожидать от этого человека, но одно было ясно: он не просто крадет данные. Он играет в бога, хладнокровно решая, чья жизнь сегодня превратится в пепел. И

сейчас его взгляд был направлен прямо на меня.

Желудок сжался в тугой узел. Я едва успела добежать до туалета, прежде чем меня по-настоящему вывернуло.

Кейден. Теперь он был не просто грубым айтишником. Он был единственным, кто мог не дать этой грязи выплеснуться наружу. И он сказал, что «подумает».

Звонить отцу было до ужаса стыдно. Эта мысль жгла изнутри сильнее, чем паника. Я не могла допустить, чтобы он узнал, что именно хранилось в том аккаунте. Для него я всегда была безупречной, его гордостью, золотым ребенком. Если он увидит хотя бы сотую часть того, что было в тех переписках... я просто перестану для него существовать.

Я побрела в ванную. Включила воду, дождалась, пока ванну заполнит густой пар, и зашла в душ. Стояла под горячими струями, закрыв глаза, и нежно смывала с себя это удушающее напряжение. Вода стекала по телу, но я всё равно чувствовала себя грязной. Не снаружи, а где-то там, под кожей.

Выйдя из кабины, я ладонью стерла пар с зеркала и замерла. На меня смотрела девушка с покрасневшими глазами и остатками тех дурацких пятен на шее. Учебный год только начался. Всего пара недель — а у меня уже такие проблемы, от которых хочется просто исчезнуть. Как я умудрилась так вляпаться?

Я натянула тонкую футболку и трусики, не желая больше видеть свое отражение. Моя огромная кровать с шелковыми

простынями встретила меня привычной прохладой, но сегодня это не приносило облегчения. Я залезла под одеяло, натянула накладку на глаза, стараясь провалиться в спасительную темноту.

Я должна уснуть. Просто уснуть. А завтра Кейден Брукс обязательно ответит, и я закрою этот вопрос навсегда. Плевать, сколько он попросит. Я найду эти деньги, лишь бы больше никогда не видеть его лица и не вспоминать о том, кем был Скот. С этой мыслью я наконец провалилась в тяжелое, тревожное забытие.

Но сон не принес желанного облегчения, и я проснулась рывком, запутавшись в шелковых простынях. Накладка на глаза сползла на лоб, и яркий утренний свет больно ударил по глазам, заставляя зажмуриться. Голова гудела так, будто я вчера не душ принимала, а пила дешевое виски в компании футболистов. Я еще секунду лежала неподвижно, надеясь, что вчерашний визит к Кейдену был просто дурным сном, но реальность быстро напомнила о себе.

Я нащупала телефон на тумбочке, надеясь увидеть хотя бы одну строчку от него. Ничего. Экран был пуст. Этот придурок действительно решил поиграть в «занятого профессионала».

Вдруг телефон в моей руке коротко завибрировал. Сердце подпрыгнуло к самому горлу. Сообщение?

Нет. Это было системное уведомление от почтового сервиса. «Новый вход в ваш аккаунт. Устройство: Linux/

Chrome. Местоположение: скрыто».

Опять. Снова этот ублюдок копается в моих сообщениях, пока я сплю. Чувство омерзения было таким физическим, что меня передернуло. Я тут же нажала на ссылку, чтобы заблокировать сессию и снова принудительно сменить пароль. Пальцы едва попадали по буквам, вбивая старую комбинацию для подтверждения.

«Неверный пароль. Попробуйте еще раз».

Я замерла. Вдох, выдох. Я не могла ошибиться, этот пароль был со мной годами. Я ввела его еще раз, максимально медленно, проговаривая каждый символ про себя.

«Пароль был изменен 4 часа назад».

Телефон выпал из моих рук на мягкий ворс ковра. Тишина в спальне стала оглушительной. Кто-то не просто вошел — он запер за собой дверь и выставил меня на улицу. Теперь всё, что там было — каждое мое слово, каждая фотография, каждый постыдный секрет школьных лет — принадлежало кому-то другому. И этот «кто-то» прямо сейчас листал мою жизнь, как дешевый журнал в очереди к стоматологу.

У меня не было времени на истерику. Я знала только одного человека, который понимал, как работает этот цифровой ад. И плевать, что вчера он вытер об меня ноги. Плевать на его отвращение.

Я вскочила с кровати, на ходу отбрасывая одеяло. Мне нужно было найти Кейдена. И на этот раз я не уйду, пока не получу ответы.

Несмотря на панику, я не могла позволить себе выглядеть жалко. Если я приду к нему зарёванная и в растянутой футболке, он окончательно раздавит меня своим пренебрежением. Моя красота всегда была моей броней, моим главным инструментом влияния, и сегодня мне нужно было всё моё оружие.

Я заставила себя сосредоточиться на привычных ритуалах. Тщательно умылась холодной водой, нанесла маску, чтобы убрать отеки, и занялась укладкой. Каждое движение было выверенным, механическим. Я сделала макияж — безупречный, но не кричащий, — подчеркнув глаза так, чтобы взгляд казался холодным и уверенным, а не испуганным.

В гардеробной я долго не выбирала. Мой взгляд упал на короткое тёмно-синее платье — оно сидело как вторая кожа, подчёркивая каждый изгиб, но выглядело при этом достаточно строго. Сверху я накинула структурированный чёрный пиджак, который придавал образу нужную долю официальности. Туфли-лодочки на высокой шпильке с острым носком, небольшая сумка от Hermès — и я была готова.

Глядя на себя в зеркало, я видела прежнюю Мишель: наследницу огромного состояния, королеву кампуса, девушку, перед которой открываются любые двери. Никто и подумать не мог, что под этим дорогим пиджаком сердце бьется так, будто я иду на эшафот, а в моей голове набатом бьет одна мысль: «Пароль был изменен 4 часа назад».

Я вышла из квартиры, чеканя шаг каблуками по мрамор-

ному полу коридора. Я найду его. И на этот раз он не сможет просто надеть наушники и уйти.

Я заглушила мотор, но пальцы всё еще крепко сжимали руль. Мой «Порше» на парковке кампуса выглядел как всегда безупречно, в отличие от того хаоса, что творился у меня внутри. Я знала, кого ищу. Брендон еще на вечеринке у бассейна трепался, что Кейден — местный гений-программист с третьего курса. Перед тем как прийти к его общежитию вчера, я пробила его данные, так что теперь мне не нужно было гадать.

Я открыла на телефоне общее расписание его факультета. Так, курс по компьютерной криминалистике, зал четыреста два в инженерном корпусе. Идеально.

В этот момент телефон в подстаканнике коротко завибрировал. Сообщение от Эспен: «Милая, ты где? Лекция по маркетингу в главном холле через пять минут, я заняла тебе место в первом ряду!»

Я закусила губу, глядя на экран. Эспен была по-настоящему хорошей — из тех редких девушек в университете, кто никогда не смеялся над другими просто так, если человек действительно этого не заслуживал. Она была светлой, и именно поэтому я не могла позволить ей узнать, что происходит. Я не хотела открывать ей свою мерзкую сторону.

Да, в школе я лично не участвовала в тех издевательствах, которыми развлекались мои друзья, но я была пассивным на-

блюдателем. Я молчала, когда Скотт переходил все границы. Я поддерживала диалоги в тех самых закрытых чатах, смеясь над их «шутками» и поддакивая, просто чтобы не выбиваться из стаи. Я была частью этой машины, и теперь эта машина грозила переехать меня саму.

«Эспен, не жди на первой лекции. Кое-какие дела, нужно срочно разобраться. Буду позже», — быстро отстучала я в ответ и вышла из машины.

Мои шпильки чеканили шаг по кафелю коридоров четвертого этажа. Я поправила пиджак и осторожно толкнула тяжелую дверь лекционного зала. Внутри было прохладно и пахло озоном от десятков работающих компьютеров. Голос профессора эхом разлетался под потолком — он увлеченно рассказывал о методах шифрования и цифровых уликах, но я не понимала ни слова из этой абракадабры.

Мне и не нужно было понимать. Я искала его.

Я быстро нашла его спину на самом заднем ряду. Кейден сидел в самом углу, подальше от остальных студентов. Он выделялся даже со спины: высокий, широкоплечий, в черной футболке, которая плотно облегла мышцы. Перед ним был открыт ноутбук, по экрану которого бежали бесконечные строчки кода.

Я прошла по ряду, ловя на себе удивленные взгляды парней в растянутых толстовках, и бесшумно опустилась на жесткое сиденье прямо рядом с ним. Кейден даже не повернул головы. Его длинные пальцы продолжали быстро летать

по клавишам, вводя одну команду за другой.

— Теперь мы будем говорить по-настоящему, — тихо, но твердо произнесла я, глядя на его профиль. — Пароль изменили четыре часа назад, Кейден. И мне плевать, что у тебя лекция.

Он на мгновение замер, но пальцы всё еще продолжали лежать на клавиатуре. Наконец он медленно, с каким-то ленивым изяществом, захлопнул крышку ноутбука. Звук хлопка в тишине аудитории показался мне оглушительным.

Кейден повернул голову и посмотрел на меня. Его глаза были холодными и абсолютно спокойными, в них не было ни капли удивления от моего появления. Наоборот — он смотрел на меня как на назойливое насекомое, которое зачем-то решило покончить с собой, влетев в паутину.

— Ты перепутала корпус, принцесса, — произнес он, даже не пытаясь понизить голос. — Маркетинг и курсы «как удачно выйти замуж» находятся в другом крыле.

— Мне плевать на корпуса! — я понизила голос до яростного шепота, чувствуя, как под пиджаком по коже снова начинают ползти красные пятна. — Ты вчера сказал, что подумаешь. Пока ты «думал», пароль на моем аккаунте изменили. Его больше нет, понимаешь? Кто-то запер меня снаружи!

Я ожидала чего угодно: злорадства, скуки, даже признания в том, что это сделал он. Но Кейден просто продолжал рассматривать мое лицо с тем самым выражением нескрываемого пренебрежения, которое я видела вчера у стены.

— И что ты хочешь от меня? — он откинулся на спинку стула, вальяжно закинув руку за голову. — Чтобы я посочувствовал твоей безалаберности?

— Я хочу, чтобы ты его вернул! — я вцепилась в край стола так, что костяшки пальцев побелели. — Ты же гений, Кейден. Ты взламываешь всё, что движется. Верни мне доступ и удали там всё к чертям. Я заплачу. Назови свою цену, и я выпишу чек прямо сейчас.

Он вдруг тихо рассмеялся. Это был сухой, безрадостный смех, от которого у меня поползли мурашки по спине. Он наклонился ко мне так близко, что я почувствовала запах его парфюма — что-то терпкое, древесное, смешанное с запахом холодного металла.

— Твои деньги, Мишель, — это последнее, что меня интересует, — прошептал он, глядя мне прямо в глаза. — Они у тебя от отца. В них нет никакой ценности, как и в тебе самой.

Я почувствовала, как ярость обжигает горло.

— Тогда чего ты хочешь? — я с трудом сдерживала голос, чтобы не сорваться на крик. — Если тебе не нужны деньги, то что?

Его взгляд медленно, намеренно прошелся по моему темно-синему платью, задержался на вырезе, подчеркнутом пиджаком, а затем снова вернулся к моим глазам. В этом взгляде не было страсти — только расчетливая жестокость.

— Если я решу помочь тебе... это будет стоить не бума-

жек, — он сделал паузу, наслаждаясь тем, как я замираю. — Ты будешь делать то, что я скажу. Ты станешь моей личной прислугой на то время, пока я буду копать в твоём дерьме.

Мое лицо мгновенно стало пунцовым от ярости. Кровь прилила к щекам так сильно, что в ушах зашумело.

— Ты что, совсем охренел?! — выпалила я, забыв о тишине. Несколько студентов на передних рядах обернулись, но мне было плевать. — Я не собираюсь с тобой спать, Кейден! Если ты думал, что я настолько в отчаянии, что лягу под тебя за этот чертов аккаунт, то ты больной на всю голову!

Кейден замер на секунду, а затем его плечи затряслись в беззвучном смехе. Он смотрел на меня так, будто я только что сморозила самую большую глупость в мире.

— Спать с тобой? — он снова усмехнулся, и в его глазах блеснуло истинное издевательство. — Мишель, детка, умерь свое эго. Ты, конечно, красивая кукла, но у меня нет привычки тащить в постель то, что вызывает у меня тошноту. Ты мне нужна не для секса. Для этого у меня есть девушки поинтереснее.

Он снова открыл ноутбук, давая официально понять, что разговор окончен.

— Мне просто нравится смотреть, как такие, как ты, опускаются на землю. Ты будешь выполнять мои поручения. Грязные, скучные, унижительные для твоего статуса. Будешь моей тенью, пока я не разрешу тебе уйти. Хочешь вернуть аккаунт? Упрашивай. По-настоящему.

Я сидела, сжимая кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони. Ярость кипела во мне, вытесняя страх. Этот парень только что вытер об меня ноги, глядя в глаза с таким самодовольством, будто он уже купил меня с потрохами.

Но он просчитался.

— Знаешь что, Кейден? — я заговорила громче, не заботясь о том, что лектор на мгновение замолчал, бросив взгляд в нашу сторону. — Твое самомнение гораздо больше твоего таланта. Ты — обычный, закомплексованный задрот, который дорвался до крошечной капли власти и решил, что может дрессировать меня?

Я увидела, как его брови едва заметно приподнялись. Усмешка застыла на его губах, став какой-то застывшей, неживой.

— Оставь свои влажные фантазии о «прислуге» для тех, кто на это купится, — я встала, с вызовом глядя на него сверху вниз. Мой голос звучал хлестко, как пощечина. — Ты не единственный в этом университете, кто умеет нажимать на кнопки. Я найду того, кто сделает это за деньги, и мне не придется дышать с тобой одним воздухом. Ты просто жалкий садист, Кейден. И тошноту здесь вызываешь только ты.

Я развернулась, не дожидаясь ответа. Мои каблуки зазвучали по аудитории как выстрелы. Я чувствовала на себе взгляды десятков парней, слышала, как за спиной кто-то присвистнул, но не обернулась. Я толкнула тяжелую дверь и вышла в коридор, чувствуя, как внутри всё дрожит от адре-

налина.

К черту его. Я найду кого-то другого. Есть старшекурсники, есть хакерские форумы, в конце концов, есть профессионалы, которых можно нанять за любые деньги. Кейден просто хотел сломать меня, но он забыл, с кем связался.

Я почти дошла до выхода из корпуса, когда мой телефон в сумке снова коротко пискнул. Я выхватила его, ожидая очередного уведомления о взломе, но на экране было сообщение с неизвестного номера. Всего одна ссылка и текст:

«Твои архивы из Цинциннати очень занимательны, Мишель. Особенно то видео с вечеринки у Скотта. Выкладываем в общую сеть университета через 30 минут или начнем торговаться?»

Ноги стали ватными. Я прислонилась к холодной стене, чувствуя, как мир вокруг начинает рушиться. У меня не было никакого «другого». У меня не было времени.

Я смотрела на экран, и буквы расплывались перед глазами. Срок в тридцать минут пульсировал в мозгу, как часовая бомба. Цинциннати. Видео у Скотта. Если это попадет в общую сеть университета, моя жизнь превратится в пепел еще до того, как закончится обеденный перерыв.

Дрожащими пальцами я открыла чат с этим неизвестным номером. В горле стоял горький ком унижения, но страх был сильнее.

Я: *«Что тебе нужно? Назови сумму».*

Ответ пришел почти мгновенно. Сообщение было корот-

ким, но от него меня буквально замутило.

Неизвестный: *«Нам не нужны твои деньги, принцесса. Нам нужно шоу. Раз ты так любишь быть безупречной, пора сменить ампула. Запиши видео с признанием, что ты — лживая дрянь, которая годами покрывала подонков вроде Скотта. Назови имена всех, кого вы травили, и извинись на камеру. Выложи это в свой профиль для всех подписчиков — и твой архив останется в сохранности. У тебя 25 минут».*

Я едва не выронила телефон. Это было не просто унижение. Это было социальное самоубийство. Если я это сделаю, от моей репутации не останется даже пыли. Эспен, мои друзья, семья — все увидят меня сломленной и признающей вину за то, о чем я годами молчала.

Я смотрела на экран, и буквы расплывались перед глазами. Видео у Скотта. Цинциннати. Это не просто случайный хакер. В голове пульсировала одна страшная мысль: это кто-то из школы. Кто-то, кто всё это время копил ненависть, а теперь добрался до Скотта, наконец, до меня. Это месть, и она будет кровавой. У меня не было времени на раздумья, а записывать такое видео — значит признать поражение и навсегда стать изгоем.

Я бросилась обратно к аудитории, но коридор уже был забит студентами — лекция закончилась. Я металась в толпе, пока не увидела его. Кейден выходил из зала последним, всё так же небрежно перекинув рюкзак через плечо.

Я подлетела к нему и, не соображая, что делаю, мертвой

хваткой вцепилась в его футболку, увлекая в сторону от потока людей.

— Я согласна, — выдохнула я, глядя ему в лицо. Голос дрожал. — Я согласна на все твои условия. Любые поручения, что угодно... Пожалуйста, Кейден, помоги мне.

Он замер и посмотрел на меня сверху вниз. В его глазах не было триумфа или радости от того, что я сломалась. В них горела какая-то дикая, пугающая одержимость. Мне стало не по себе — этот взгляд прошивал насквозь, будто он уже видел меня своей собственностью.

— Пойдем со мной, — коротко бросил он.

Он развернулся и быстро зашагал по коридору. Я едва поспевала за его широким шагом, чувствуя на себе любопытные взгляды студентов, которые то и дело оборачивались нам вслед. Но я смотрела только на его широкую спину, которая казалась сейчас единственной стеной, отделяющей меня от краха.

Кейден остановился у неприметной двери в конце технического крыла. Он открыл её, и в лицо ударил запах пыли, старого озона и перегретого пластика. Это был «Архив старой техники» — кладбище электроники. Внутри было душно и темно, повсюду громоздились горы системных блоков из девяностых, катушки кабелей и мониторы с пузатыми экранами.

— Сюда, — он указал на старый стол в центре комнаты. — Стань передо мной.

Я выполнила приказ, затаив дыхание. Он открыл свой ноутбук.

— Имя, на которое создан аккаунт. Почта, к которой он привязан, — его голос звучал как сталь.

Я быстро продиктовала данные. Кейден начал печатать. Я попыталась заглянуть в экран, чтобы понять, что происходит, но он тут же прикрыл крышку и предостерегающе покачал головой.

— Ладно, ладно... — прошептала я, отступая на шаг.

Я принялась рассматривать это странное, заброшенное место, пока тишину нарушал только методичный стук клавиш. Прошло бесконечных десять минут, прежде чем Кейден наконец развернул монитор ко мне. На черном фоне бежали строки белого кода.

— Смотри, — он указал на окно с логами, где бежали строчки программного кода. — Это не случайный взлом. Тебя атаквали целенаправленно. Автор — некий Эрик Торнтон из Цинциннати. Судя по цифровому следу, у парня на тебя огромный зуб. Ты явно перешла ему дорогу в прошлом, причем так, что он не поленился выследить тебя. Не припоминаешь такого?

Я замерла, вглядываясь в незнакомое имя. В памяти всплывали десятки лиц — одноклассники, отвергнутые поклонники, конкурентки по школьным рейтингам, но это имя ни о чем мне не говорило. Я медленно покачала головой.

— Возможно, он из моей школы. Цинциннати полон лю-

дей, которые мечтали бы увидеть мой провал, но я не уверена. У тебя есть его фото?

Я замолчала на секунду, а затем пренебрежительно фыркнула, откидывая волосы назад.

— А впрочем, это не важно. Пошел этот Эрик к черту. Пускай пожрет своего дерьма, если думал, что я легкая мишень. Просто очисти всё. Я не хочу, чтобы хоть один бит информации об этой встрече или моей переписке остался в сети.

Кейден коротко усмехнулся, не отрывая взгляда от монитора. В этой усмешке не было симпатии — скорее, холодное признание того, насколько безжалостной может быть девчонка в дорогом костюме, даже когда её мир висит на волоске.

— «Очисти всё», «пошел к черту»... — ядовито передразнил он, не скрывая сарказма. — Ты всегда такая самовлюбленная дрянь или это образ для особых случаев? Твое высокомерие когда-нибудь выроет тебе яму глубже, чем любой хакерский взлом.

Он с силой ударил по клавише «Enter», и экран на мгновение залило красным светом логов.

— Мне плевать на твои капризы, принцесса. Я делаю это только потому, что у нас есть уговор, и поверь — это не самая приятная часть моего дня.

Он прокрутил список выполненных команд. Напротив строк `Contacts_Sync`, `iCloud_BackUp` и `Media_Cache` стояли

четкие отметки: [DELETED] или [WIPEД].

— Я вошел в его подсеть через «черный ход», пока он спал, — Кейден говорил холодным, уверенным голосом. — Я не просто удалил твои файлы — я использовал метод нулевой перезаписи.

— Что это значит? — я почти не дышала.

— Это значит, что я приказал системе записать поверх твоих данных случайный цифровой мусор. Семь раз подряд. Даже если он отдаст свой жесткий диск в ФБР, они найдут там только шум. Твоего номера, твоих фото, твоих переписок больше не существует в природе. Восстановить это невозможно.

— А если он успел... сделать копию? Или скинуть на флешку?

— Исключено, — Кейден отрезал мою последнюю тень сомнения. — Я проверил исходящий трафик его роутера за последние сорок восемь часов. Объемы мизерные, он ничего не заливал в облако. Системные логи его железа подтверждают: USB-порты были неактивны. Он был слишком самоуверен и держал всё на одном диске. Теперь этого диска «нет».

Последняя строчка на экране гласила: «Target ID: [Mobile Number] — Connection severed. All instances destroyed».

Он закрыл ноутбук с характерным, финальным щелчком.

— Всё, Мишель. Ты чиста. Ни в одной сети мира больше нет того компромата, который он на тебя накопал. Ты снова стала призраком.

Я почувствовала, как по телу разливается невыносимое облегчение, от которого закружилась голова. Я была спасена. Но когда я подняла взгляд на Кейдена, я вспомнила о цене.

Я смотрела на него, пытаюсь осознать, что кошмар закончился, но внутри всё ещё зудело недоверие. Облегчение было сладким, но оно отдавало металлическим привкусом страха.

— Мой старый аккаунт, — мой голос прозвучал хрипло, и я откашлялась, пытаюсь вернуть себе прежнюю уверенность. — Тот, к которому этот урод сменил пароль. Он мне больше не нужен. Удаляй его полностью. Я хочу, чтобы от него не осталось даже цифрового пепла.

Кейден едва заметно кивнул, его пальцы снова совершили серию коротких, резких ударов по клавишам.

— Считай, что его никогда не было, — бросил он, не оборачиваясь. — Можешь и дальше строить из себя святую королеву факультета. Никто не узнает, в каком дерьме ты на самом деле барахталась. Но не обольщайся, — он заговорил тише, и в его голосе прорезался опасный рокот. — От того, что я удалил файлы, твоя гниль никуда не делась. Ты просто нацепила чистую одежду на грязное тело.

Слова Кейдена ударили наотмашь, словно физическая пощечина. Мои пальцы сильнее сжали ремешок сумки, а в груди вспыхнуло яростное желание ответить чем-то столь же болезненным. Но я лишь выше вскинула подбородок, сохраняя на лице маску ледяного безразличия. Внутри всё клоко-

тало от унижения — он видел меня насквозь, всю мою грязь, скрытую под дорогим костюмом.

— Твое мнение о моей морали интересует меня меньше всего, Кейден, — мой голос прозвучал ровно и сухо, хотя сердце в груди совершило бешеный кульбит.

Я сделала шаг ближе, нарушая его личное пространство. Запах старой техники и пыли здесь, в этом «кладбище», казался удушающим.

— И ещё одно, — я заставила себя смотреть ему прямо в глаза, хотя его одержимый взгляд пугал меня до дрожи. — Как мне быть уверенной, что ты... ну, что ты сам не оставил себе копию? Что ты не сохранил это видео или те переписки на свой ноутбук, чтобы потом занять место того хакера?

Кейден медленно выпрямился. Его фигура в полумраке архива казалась огромной и угрожающей. Он сделал шаг ко мне, заставляя меня попятиться и упереться спиной в стеллаж с какими-то доисторическими проводами.

— Мишель, — его голос стал тише, приобретая опасную глубину. — Если бы я хотел тебя уничтожить, я бы сделал это ещё вчера. Просто слил бы всё в сеть и наблюдал за шоу. Мне не нужно хранить твой мусор, чтобы управлять тобой. У меня есть кое-что получше — твоё слово.

Он наклонился к самому моему лицу, так что я почувствовала его дыхание на своей коже.

— Ты сама отдала мне поводок, когда вернулась сюда и попросила о помощи. Зачем мне файлы, когда у меня есть

ты? Вся целиком. С твоими страхами, твоей гордостью и твоим долгом передо мной.

Он захлопнул ноутбук и резким движением убрал его в рюкзак.

Кейден наклонился к самому моему лицу, и я невольно затаила дыхание. Его взгляд на мгновение скользнул по моим губам, а затем снова вернулся к глазам — темный, тяжелый, обещающий что-то, от чего у меня предательски задрожали колени.

— А теперь, принцесса, начнем оплату, — прошептал он прямо мне в губы, обжигая дыханием. — Твой «рабочий день» начинается сейчас.

Он отстранился так же резко, как и подошел. Я застыла, не понимая, что будет дальше, но Кейден лишь развернулся и направился к выходу из этого пыльного технического архива. На мгновение мне показалось, что он просто уходит, но он остановился у массивной двери.

Схватив тяжелый деревянный стул со сломанной спинкой, он одним точным, отработанным движением подставил его под дверную ручку, намертво блокируя выход. Скрежет дерева по бетонному полу прозвучал в тишине как приговор.

Кейден медленно выпрямился и развернулся ко мне, засунув руки в карманы. Теперь мы были отрезаны от всего остального кампуса среди стеллажей со старыми схемами и запаха озона. Мой мир с его правилами остался там, за этой забаррикадированной дверью.

Я сглотнула, чувствуя, как пульс бешено бьется в районе горла. Ловушка захлопнулась, и на этот раз у меня не было «кода доступа», чтобы её взломать.

Глава 4.

Мишель

В этом душном склепе из мертвого железа воздух стал настолько плотным, что его можно было резать ножом. Запах старой пыли смешался с моим дорогим парфюмом и чем-то еще — первобытным, пугающим запахом страха и подступающего возбуждения. Тени от системных блоков, похожих на надгробия, тянулись ко мне, словно хотели утащить в этот цифровой ад, из которого Кейден только что меня вытащил. Но цена... цена была впереди.

Я смотрела в его глаза, и статика в воздухе буквально жалила кожу. Мое сердце колотилось о ребра, как пойманная птица.

— Сядь на стол, Мишель. Прямо передо мной.

Его голос — низкий, рокошующий бас, от которого у меня внутри всё непроизвольно сжалось. Каждое слово он выталанчивал с трудом, будто сдерживая внутри зверя. Я подчинилась. Шпильки беспомощно клацнули о старое дерево, когда я запрыгнула на край стола, чувствуя себя жертвой на алтаре.

— Сними пиджак. Медленно.

Он стоял неподвижно, сложив руки на груди. Я видела, как он намеренно держит дистанцию, как он принципиально не хочет марать руки о мою кожу. Этот холодный расчет, это ледяное отвращение в его взгляде возбуждали меня сильнее,

чем любая ласка. Я медленно стащила плотную ткань с плеч. Беззащитность. В одном темно-синем шелке на тонких бретелях, я дрожала. От смеси прохлады архива и бешеного адреналина мои соски затвердели, отчетливо царапая ткань изнутри. Я знала, что он видит их. Я знала, что он видит, как бешено пульсирует вена на моей шее.

— Теперь слушай внимательно. Ты будешь делать всё, что я скажу. Каждую чертову секунду твои глаза будут направлены на моё лицо. Ты будешь смотреть только на меня. Поняла?

— Да... — мой выдох сорвался с губ рваным стоном.

— Раздвинь ноги, Мишель.

Я замялась лишь на долю секунды, но его взгляд — тяжелый, лишаящий воли — буквально заставил мои мышцы повиноваться. Когда я медленно развела колени, я почувствовала, как между бедер становится невыносимо, обжигаяще жарко. Влага уже пропитала тонкое кружево трусиков, и его взгляд зафиксировал это темное пятно с хирургической точностью.

— Дотронься до себя, — почти прошептал он, и от вибрации его голоса у меня потяжелело внизу живота. — Одну руку на грудь. Вторую — прямо туда.

Я подчинилась, задыхаясь. Пальцы дрожали. В мертвой тишине архива раздался первый влажный звук — трение ткани о плоть. Я невольно опустила взгляд ниже его ремня. Ширинка его джинсов была натянута до предела, его стояк

был каменным, огромным, и он даже не пытался это скрыть. Он хотел этого. Он хотел меня.

— Смотри на лицо, Морган! — прошипел он, заметив мой взгляд. — В глаза мне смотри.

Я начала ласкать себя сквозь трусики, спина выгнулась, губы приоткрылись в немом призыве. Жесткий край стола впивался в ягодицы, и мне катастрофически не хватало этого давления, этого насилия над моим телом.

— Сними их.

Я медленно избавилась от кружева. Он не помог мне, не сделал ни одного движения навстречу, просто протянул руку и ждал. Когда я отдала ему этот горячий лоскуток, он засунул его в задний карман своих джинсов, не отрывая взгляда от моих глаз.

— Сядь глубже на стол. Закинь ноги на край. Прямо передо мной.

Я подтянула подол платья почти до талии. Теперь я была полностью открыта. Ноги, согнутые в коленях и поднятые на край стола, создали такой угол, что я чувствовала себя максимально уязвимой. Я ощущала, как смазка, которую я больше не могла контролировать, не стекает по бедрам, а марает дерево стола прямо под моей поясницей, оставляя блестящий, позорный след прямо перед его лицом.

— Продолжай. Я слышу запах твоего желания. Раздвинь себя. Два пальца внутрь, Мишель. Сейчас же.

Я вошла в себя, и из горла вырвался надрывный, живот-

ный стон. Я начала двигаться — быстро, глубоко, чувствуя, как собственные пальцы скользят в этой обжигающей влаге. Кейден стоял в сантиметре от моих широко раздвинутых ног, но по-прежнему не касался меня. Эта дистанция была пыткой.

— Надави большим пальцем на клитор. Сильнее.

Мое тело забилося в конвульсиях. Я выгнулась дугой, полностью теряя контроль. Перед глазами всё плыло, я была на самом пике, в той точке, где реальность исчезает. Я ждала, что он наконец сорвется, что он ворвется в меня и прекратит эту агонию...

Но Кейден резко сделал шаг назад.

Я замерла, тяжело дыша, с широко раздвинутыми ногами, всё еще содрогаясь от остаточных волн оргазма. Влага на столе под моими бедрами еще не успела остыть. И тут я увидела его лицо. На нем было такое безграничное, ледяное презрение, от которого у меня внутри всё онемело.

— Какая мерзость, — произнес он, и его голос был острее бритвы, которой режут плоть. — Меня сейчас реально стошнит, Морган. Это просто физически... отвратительно.

Эти слова. Эта интонация. Они ударили меня в самое сердце, выбивая весь воздух из легких. Я моргнула, не в силах поверить, что этот человек, который только что заставлял меня доводить себя до безумия, теперь смотрит на меня как на мусор.

— Но... Кейден... — я подалась вперед, не замечая, как

жалко выгляжу, сидя на столе с задранным подолом. — Пожалуйста... ты ведь сам хотел этого. Ты же...

— Я хотел? — он усмехнулся, и в этом звуке не было ни капли веселья. Только чистый, концентрированный яд. — Ты только что ползала передо мной, готовая на любую низость, лишь бы спасти свою шкурку. Смотри, на что ты готова пойти...

Он подошел вплотную, наклонился к самому моему уху, и его дыхание, ставшее ледяным, обожгло мне кожу.

— Ты раздвинула ноги прямо перед человеком, которого ты со своим дружкой Скоттом выставила полным дерьмом перед всей школой. Вспомнила теперь, Мишель Морган?

Мир вокруг меня пошатнулся, а воздух в тесном архиве вдруг стал невыносимо горячим. Слова Кейдена ударили в самую цель, и картинка перед глазами начала стремительно меняться. Его резкие скулы, этот шрам над бровью, ледяной прищур... Пазл сложился с оглушительным щелчком, от которого в ушах зазвенело.

Я лихорадочно начала прикрываться, натягивая край платья на бедра, пытаюсь вернуть себе хотя бы крупицу достоинства, хотя это уже не имело никакого смысла. Пальцы дрожали, цепляясь за дорогую ткань, а ладони чувствовали каждую трещину и зазубрину на старой деревянной столешнице. В голове пульсировала одна-единственная мысль: «Боже».

Это был не «Эрик Торнтон». Никакого обиженного парня из Цинциннати, которого я должна была вспомнить, не

существовало. Весь мой страх, поиски того, кто слил переписки, и то, как я пришла к Кейдену за помощью — всё это было частью его дьявольски точного сценария.

— Это был ты... — мой голос сорвался, превратившись в едва слышный шепот. — Ты всё это подстроил. Мой аккаунт, сообщения... Это ты взломал меня.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь подавить нахлынувшую тошноту от собственного бессилия. Я сама, своими ногами пришла к нему и попросила найти взломщика. Я доверила свою репутацию человеку, который ненавидел меня каждой клеткой своего тела и который сам же её и уничтожил.

— Кто ты, мать твою, такой?! — выплюнула я, вскидывая голову. В моем голосе смешались ярость и голый, неприкрытый ужас.

— Я тот, кого вы, высокородные дегенераты с зачатками интеллекта как у амёбы, называли Франкенштейном, — прохрипел он, и в его глазах вспыхнуло пугающее торжество. — Или ты предпочитала более ласковое... Френки? Помнишь, как вы со Скоттом упивались своей никчемной властью в коридорах, пока я был для вас просто «ошибкой природы»?

Я застыла. Горло сдавило невидимой петлей, и каждый вдох давался с трудом. Тот парень у «шеста» Брэдли. Мокрые волосы, облепившие лицо, и багровая, рваная кожа на шее, которая тогда казалась нам чем-то отталкивающим и неправильным. Мы не называли его по имени. Для нас он был просто... объектом. Громоотводом для нашей скуки и

жестокости.

— Френки... — выдохнула я, и это имя на вкус было как холодный пепел.

Ужас ситуации прошел меня насквозь: я даже не знала его настоящего имени. За все те месяцы, что Скотт издевался над ним, а я стояла рядом, поправляя безупречный макияж, мне ни разу не пришло в голову поинтересоваться, кто он такой. Кейден Брукс? Это имя я услышала впервые, и оно никак не вязалось с тем искалеченным образом из прошлого. Для нас он был безымянным уродом, ошибкой в системе нашего блестящего мира.

— Ты даже не знала, как меня зовут, верно? — Кейден словно прочитал мои мысли, и его голос полоснул по нервам. Он придвинулся еще ближе, так что я видела каждую пору на его лице. — Для тебя я был просто удобным фоном для твоего превосходства.

Я сглотнула, чувствуя, как по спине ползет липкий холод. Я пришла за помощью к человеку, чье существование я игнорировала, предварительно стерев его в порошок.

— Я... я не знала, — прошептала я, и это прозвучало жалко даже для меня самой.

— Разумеется, не знала. Зачем принцессе знать имя мусора под своими ногами? — Его усмешка стала еще более хищной..

Я смотрела на него — на этого мощного мужчину, чей взгляд сейчас уничтожал меня. И тут я увидела. Прямо над

воротником его футболки, там, где начинались плотные черные татуировки, виднелся крошечный край того самого ярко-бордового, бугристого шрама. Он забил всё тело чернилами, чтобы скрыть «карту боли», но этот маленький лоскуток выжившей кожи выдал его.

Он продолжал стоять вплотную, возвышаясь надо мной, и я видела в его глазах полыхающий пожар, который он бережно раздувал два долгих года. Этот взгляд, темный и немигающий, пригвоздил меня к столешнице надежнее любых цепей. В тишине архива я слышала его тяжелое, ровное дыхание, чувствовала исходящий от него жар, и это пугало меня больше, чем если бы он кричал.

— Ты смотрела на мои шрамы так, будто я был дохлой, гнилой крысой на твоём пороге. Твоё «фу»... оно было громче, чем весь хохот футбольной команды. Ты стояла и бездействовала, пока Скотт втаптывал меня в грязь, и в твоём молчании было больше ненависти, чем во всех их криках. Твоя безразличность тогда убила во мне человека, Мишель.

— Франкенштейн сдох в тот день, когда ты одарила его этим взглядом, — отчеканил он. — Остался только Кейден. И Кейдену не нужна девка, которая продает себя за удаление файлов.

Я судорожно сдвинула ноги, пытаюсь прикрыться остатками платья, но было поздно. Влажное пятно на столе — след моей позорной слабости — блесело прямо под его взглядом. Сейчас я была тем самым экспонатом из кунсткамеры. Об-

наженная, униженная и вызывающая у него только тошноту.

— Пошла вон, Мишель, — бросил он, отворачиваясь к рюкзаку на столе. — Твои слова два года назад... «меня сейчас реально стошнит». Теперь ты понимаешь, что я чувствую, глядя на тебя.

Я подскочила со стола так резко, будто дерево под моими бедрами внезапно превратилось в раскаленное железо. Ноги дрожали, каблуки предательски подкосились, когда я коснулась пола, но я устояла. Судорожным, почти болезненным движением я дернула подол платья вниз, пытаясь скрыть свою наготу, которая еще секунду назад казалась мне триумфом, а теперь стала моим высшим позором.

Воздуха не хватало. В легких словно застряла та самая пыль из архива, не давая вздохнуть. Я схватила свой пиджак — он валялся рядом, как ненужная тряпка, — и вцепилась в сумку так сильно, что пальцы побелели.

Я не смела поднять на него взгляд. Я чувствовала его глаза на своей коже — холодные, торжествующие, выжигающие во мне клеймо. «Физически отвратительно». Его слова эхом бились в черепе, перекрывая шум крови в ушах.

Я рванулась к двери, спотыкаясь о кабели и едва не задев гору системных блоков. Мне нужно было вон отсюда. Вон из этого душного склепа, вон из этого университета, вон из этой реальности, где ничтожный парень из прошлого превратил меня в свое личное посмешище.

Подскочив к выходу, я вцепилась в старый стул, которым

он подпер дверь. С диким, остервенелым рывком я отшвырнула его в сторону — дерево с оглушительным грохотом ударилось о бетонный пол и отлетело куда-то в темноту стеллажей. Путь был свободен.

Я вылетела в коридор, даже не обернувшись. Дверь за моей спиной не захлопнулась — я просто оставила её открытой, как зияющую рану. Я бежала по коридору, прижимая пиджак к груди, игнорируя удивленные взгляды редких студентов. Всё, о чем я могла думать — это о его лице. О том, что он сделал со мной за эти пятнадцать минут.

Он не просто взломал мой аккаунт. Он взломал саму мою жизнь, выпотрошил её и оставил меня стоять посреди этого архива — униженную и раздавленную правдой, которую я так тщательно пыталась забыть.

Я выбежала на парковку, и ослепительное солнце ударило по глазам. Моя машина стояла на том же месте — блестящая, дорогая, символ моей власти, которая только что рассыпалась в прах.

Заблокировав двери сразу, как только салон наполнился запахом дорогой кожи, я прижалась лбом к рулю, пытаюсь унять неконтролируемую дрожь. Тело всё еще содрогалось от пережитого шока и ядовитых остатков того позорного наслаждения, которое он сумел из меня вытянуть.

Пальцы до белых костяшек впились в обод, пока прерывистое, рваное дыхание постепенно заполняло тесное пространство машины. Перед глазами, словно выжженное клей-

мо, застыло его лицо — ледяное, пропитанное тем самым торжествующим презрением, которое спустя два года вернулось ко мне бумерангом. Каждая черта Кейдена теперь казалась напоминанием о том, что мой безупречный мир превратился в пепел, а ключи от этой пепельницы остались в руках у парня, которого я когда-то даже не считала человеком.

В голове, словно вспышки неисправного монитора, начали прокручиваться детали последних часов. Его спокойствие, когда я прибежала к нему. Его быстрая работа за ноутбуком. Весь этот бред про какого-то «Эрика Торнтона» из городского колледжа...

Холодный пот прошил насквозь, заставляя кожу покрыться ледяной коркой. Сидя в тишине салона, я начала по кусочкам пересобирать последние часы, и каждый новый фрагмент этой мозаики бил под дых, вышибая остатки воздуха.

Всё, что произошло в архиве, теперь виделось в ином, извращенном свете. Откуда он мог так быстро вычислить «хакера»? Как он умудрился найти концы в этой цифровой бездне, если я даже не успела ничего толком объяснить? Все эти графики, логи и сказки про «нулевую перезапись», которыми он кормил меня десять минут — всё было лишь пылью в глаза, мастерски разыгранным спектаклем для единственного зрителя.

Никакого стороннего взломщика не существовало. Не было никакого мифического «Эрика». Та утренняя угроза, которая едва не свела меня с ума, эта невидимая удавка на мо-

ей шее — всё было его почерком с первой и до последней строчки. Ему даже не нужны были мои пароли, которые я послушно диктовала, сидя на том чертовом столе — у этого ублюдка и так была вся информация.

Он сам дирижировал моим страхом. Сам загнал в угол искусными манипуляциями, заставив метаться по кампусу в поисках спасения, и хладнокровно ждал, когда я, дрожа от благодарности и ужаса, приду именно к нему. Кейден создал проблему, чтобы триумфально её «решить», наслаждаясь тем, как я добровольно отдаю себя в его власть. И теперь я точно знала: он не просто мстил мне. То грязное видео, появившееся на странице Скотта Рейнольдса, из-за которого его теперь уничтожали, было делом рук Кейдена. Он не просто слил компромат — он взломал жизнь Скотта, заставив его собственного «призрака» нанести смертельный удар по его же репутации. Это было профессиональное, хирургическое возмездие за все обиды и годы унижений.

Значит, его словам о том, что он «стер всё без следа», грош цена. Ничего он не удалил. Он просто приватизировал мою жизнь. Теперь Кейден полноправно владеет каждой моей фотографией, каждой постыдной перепиской, каждым моим стоном. Он не спас меня — он просто сменил владельца моего позора, и теперь я была его личной собственностью, запертой в цифровой клетке, ключи от которой он спрятал глубоко в карман.

— Мудак! Какой же ты мудак! — закричала я, срывая го-

лос.

Я в ярости забила кулаками по рулю, не обращая внимания на боль в ладонях. Сигнал машины пронзительно взвыл, разрезая тишину парковки, но мне было плевать. Внутри всё горело от жгучего стыда и ненависти к самой себе. Я была настолько ослеплена страхом, что не заметила, как сама надела ошейник, который он мне протянул.

Он переиграл меня. Тотально. И теперь я знала: кошмар в архиве был не финалом, а только началом моей долгой выплаты.

Глава 5.

Кейден

Дверь архива еще дрожала после того, как она вылетела отсюда, оставив после себя лишь запах дорогих духов и шлейф абсолютного, неразбавленного хаоса. Я стоял в тишине, слушая, как затихает эхо её шагов, и чувствовал, как бесено колотится сердце. Ярость, копившаяся годами, столкнулась с чем-то гораздо более древним и неуправляемым — с животным желанием.

Я медленно опустился на стул, прикрыв глаза. Каждое слово, произнесенное там, у стола, давалось мне с нечеловеческим трудом. Мой голос звучал холодно и ровно, но внутри я буквально плавился. Когда она раздвинула ноги, когда я увидел блеск её влаги и услышал её стоны, мой собственный стояк стал болезненно твердым, распирая джинсы до предела. Мне стоило колоссальных усилий не сорваться, не схватить её за бедра и не сделать своей прямо там, на этом пыльном столе. Я хотел её до потемнения в глазах, до дрожи в пальцах, но ненависть и жажда мести удерживали меня на месте, как стальные цепи.

Я посмотрел на свои руки. Они всё еще помнили того худощавого, сутулого Фрэнки, которого два года назад вышвырнули из жизни в Цинциннати. Тот парень сдох в школьной раздевалке под их издевательский хохот.

Тот, кто стоял здесь сейчас, был результатом кровавой работы над собой. Железо в спортзале стало моей единственной терапией. Каждый подход, каждый жим до темноты в глазах были способом выжечь из себя слабость. Я буквально пересобиравал себя по кускам, превращаясь в того, кто сможет смотреть им в глаза сверху вниз.

Я провел ладонью по своим плечам. Черные татуировки плотно покрывали кожу, переплетаясь в сложные, мрачные узоры. Это не было просто украшением. Мне потребовались десятки часов боли на кушетке в тату-салоне, чтобы покрыть каждый участок кожи, на котором виднелись шрамы — и те, что я нанес себе сам в моменты отчаяния, и те, что оставили их взгляды. Игла вгрызалась в плоть, стирая прошлое слой за слоем, забивая чернилами мою память.

Я помнил всех. Каждое лицо из той шайки. И я методично зачеркивал их имена.

Со Скоттом Рейнольдсом всё вышло почти смешно. Этот самовлюбленный качок был настолько уверен в своей неприкосновенности, что хранил в телефоне горы дерьма. Мне потребовалось всего пятнадцать минут, чтобы превратить его в посмешище. Один взлом — и я разослал весь его грязный компромат всему университету, где он учился. Теперь он изгой, чья репутация воняет хуже сточной канавы.

Но Мишель... К ней у меня было особое отношение. Я ненавидел её за то, что она сделала, но я желал её так сильно, что это граничило с безумием. Я выставил её перед собой,

заставил поверить в «чудо спасения», чтобы увидеть, как её гордость сгорит в огне её собственного возбуждения.

Я тяжело выдохнул и поднялся со стула. Нужно было уходить, пока запах её желания окончательно не снес мне крышу. Я поправил тесные джинсы, умиряя болезненную пульсацию в паху, закинул рюкзак на плечо и направился к выходу.

На сегодня с неё хватит. Пусть остаток дня она мучается от осознания того, что её единственный «спаситель» — это тот, кого она когда-то уничтожила. Я вышел в пустой коридор и закрыл дверь архива. День только начался, но для неё он уже стал самым долгим в жизни.

После занятий я направился напрямиком в общежитие. Коридоры были забиты студентами, но я шел сквозь толпу, никого не замечая. В голове до сих пор стоял шум того самого архива.

По пути в комнату меня перехватила Вики. Она так удачно «случайно» оказалась у меня на пути, сияя своей идеальной улыбкой.

— Эй, Кейден! — она мягко коснулась моего предплечья. — Как прошел день? Ты выглядишь каким-то... заряженным.

Я смотрел на неё и прекрасно понимал, к чему она клонит. Вики не привыкла ждать, и её откровенный взгляд не оставлял сомнений в её намерениях. Мне нужно было отвлечься.

Нужно было вытеснить образ Мишель чем-то реальным, доступным.

— Нормально, — коротко бросил я.

Она прикусила губу и потянула меня за собой в сторону своей комнаты. Как только мы оказались внутри, Вики закрыла дверь на замок и прижалась ко мне. Её руки скользнули за шею, она начала целовать меня — сначала в губы, настойчиво и жадно, а затем опустилась ниже, к шее.

В тот момент, когда я почувствовал её зубы на своей коже, я резко отстранился, почти оттолкнув её. Я ненавидел, когда касались этого места. Это было слишком интимно, слишком близко к тем зонам, которые я оберегал как крепость.

— Что не так? — Вики замерла, её дыхание было сбитым, а в глазах читалось недоумение и обида. — Кейден?

Я посмотрел на неё, но видел не её. Перед глазами стоял образ Мишель: её широко распахнутые глаза, полные страха, её дрожащие пальцы.

— Извини, Вики. Сегодня не получится, — отрезал я.

Я вышел из комнаты, оставив девушку в полной растерянности стоять посреди помещения. Быстрым шагом дошел до своей двери, вошел и провернул ключ. В комнате было невыносимо душно, хотя окно было приоткрыто.

Я откинулся на дверь, тяжело дыша. Перед глазами, словно выжженное на сетчатке пятно, стояла Мишель. Эти её раскинутые на столе длинные, стройные ноги... Безупречная кожа, контрастирующая с грубым деревом. Она не выходила

у меня из головы.

Боже, как же она была идеальна. Даже в своем позоре, даже когда я ломал её гордость об колено, она оставалась неземной. А то, как она кончала... этот надрывный, искренний звук, от которого у меня до сих пор сводило челюсти.

Я ненавидел её. Я хотел уничтожить её. Но в то же время я понимал, что ни одна женщина в этом мире больше не сможет вызвать во мне такого первобытного, сокрушительного голода.

Ночь давила на виски, а сон был рваным и тревожным. Мне всё еще мерещился запах архива, когда резкий, требовательный стук в дверь заставил меня подскочить на кровати. В голове пульсировала ярость — кто, черт возьми, рискнул явиться ко мне в такое время?

Я поднялся, заторможенный и сонный, не заботясь о том, что на мне только боксеры. Рывком распахнул дверь, готовый размазать незваного гостя, но слова застряли в горле.

На пороге стояла Мишель.

Та же кепка, тот же спортивный костюм, в котором она была вчера вечером. Она выглядела как тень, как кто-то, кто пробирался через весь кампус, стараясь не попасть в объективы камер и на глаза случайным патрулям. Прежде чем я успел выговорить хоть слово, она резко толкнула меня в грудь, врываясь внутрь моей комнаты.

Я стоял в полном шоке, глядя, как эта стерва по-хозяйски

заходит на мою территорию. — Включи чертов свет, Брукс, — бросила она, не оборачиваясь.

Я нащупал на столе настольную лампу. Щелчок — и тусклый желтый свет выхватил её фигуру из темноты. Она стояла посреди комнаты, и её взгляд — дикий, мечущийся — сразу приковался к моему телу. Она смотрела на мой голый пресс, на мышцы, на чернильную броню татуировок. Я видел, как она нервничает: её пальцы дрожали, а дыхание было сбитым.

— Кейден, я хочу нормально поговорить, — начала она, пытаясь вернуть голосу твердость. — То, что произошло сегодня... это уже слишком.

— Что ты хочешь от меня? Зачем ты пришла, Морган? — мой голос прозвучал низко и угрожающе.

Вместо ответа она медленно сняла кепку, отбросив её на стул. Её пальцы легли на замок рашгарда. Глядя мне прямо в глаза, она начала медленно растягивать молнию. Я невольно сделал шаг назад, чувствуя, как в комнате внезапно закончился кислород.

— Я хочу, чтобы мы всё уладили, — произнесла она, делая шаг ко мне. — Я хочу, чтобы всё наладилось. Я пришла извиниться.

Она подошла вплотную, и кофта окончательно разошлась в стороны. Я замер, не в силах отвести взгляд. Под рашгардом она была полностью обнажена. Налитая, высокая грудь была лишь частично прикрыта полосками ткани по бокам. Её кожа в свете лампы казалась золотистой и невероятно

нежной.

— За что именно ты хочешь извиниться, Морган? — прохрипел я, чувствуя, как кровь приливает к паху.

Она протянула руку и коснулась кончиками пальцев резинки моих боксеров. Затем, не спеша, начала подниматься выше. Её ладонь скользила по моему прессу, обжигая кожу, поднималась к груди, которая ходила ходуном от моих тяжелых вздохов. Когда она провела пальцами по моему плечу, покрытому татуировками, моё тело мгновенно покрылось мурашками. Её рука скользнула выше по шее, едва касаясь кожи — это было мучительно и прекрасно одновременно.

Мишель привстала на носочки, придвигаясь так близко, что я чувствовал жар её тела. — За всё, Кейден, — прошептала она мне прямо в губы, обдавая их теплым дыханием. — Я хочу извиниться за всю ту боль, что я тебе причинила. Я очень... очень сильно раскаиваюсь перед тобой.

Её губы едва коснулись моих — легкий, почти невесомый дразнящий жест. Мой взгляд затуманился. Рассудок тонул в желании, а член уже всюду упирался ей прямо в оголенный живот. Но внутри меня всё еще сидел подозрительный зверь.

Я резко оторвался от её губ, но не отпустил. Схватив её за хвост, я с силой оттянул её голову назад, заставляя её смотреть мне в глаза. Я всматривался в эту бездну, пытаюсь найти там притворство, фальшь, скрытый мотив. Но Мишель лишь тяжело дышала, глядя на меня с какой-то отчаянной жаж-

дой. Я изучал каждый её вдох, каждое движение зрачков.

И тут я сорвался. Предохранители перегорели.

Я рванул её на себя, впиваясь в её рот диким, агрессивным поцелуем. Я ворвался языком в её рот, сминая её губы, забирая всё, что она предлагала. Это была не нежность — это была месть и похоть в одном флаконе. Я сорвал с неё расстегнутую кофту, чувствуя, как она падает на пол, и подхватил Мишель под бедра. Она обхватила мою талию ногами, и я рывком развернул её спиной, прижимая к стене.

Мои губы спускались по её шее к груди. Я жадно захватил её сосок, терзая его языком и губами. Мишель откинула голову назад, ударившись затылком о стену, и громко, надрывно выдохнула. Её тело выгнулось в моих руках, как натянутая струна.

— Мне нужно больше, Кейден... Пожалуйста, — этот стон, полный мольбы, окончательно лишил меня рассудка.

Я отнес её на кровать и практически бросил на простыни. Мишель лихорадочно, сбивая ногти, сбросила кроссовки и носки. Я же рывком стянул с неё лосины. Она была без трусов. Увидев её полностью обнаженной, готовую и влажную, я зарычал.

Я накинулся на неё, сминая её грудь руками, впиваясь в её губы, а вторую руку опустил вниз, к самому центру её желания. Когда мои пальцы коснулись её, у неё вырвался такой стон, что она тут же инстинктивно прикрыла рот рукой.

Я дотянулся до тумбочки, достал презерватив и стянул

боксеры. Мишель не отводила от меня глаз. Она наблюдала, как я натягиваю латекс на пульсирующий, напряженный член, и в её взгляде не было ни капли страха — только темное, тягучее ожидание.

Я навис над ней, упираясь руками в матрас по обе стороны от её головы. Наши тела почти соприкасались, и жар был невыносимым. — Ты уверена, Морган? — я пристально посмотрел ей в глаза. — Еще есть возможность сбежать.

Она смотрела на меня, не мигая, и медленно, уверенно кивнула. — Мне нужны слова, Мишель. Скажи это.

Она глубоко выдохнула, подаваясь тазом навстречу моему напряжению, и прошептала: — Я уверена, Кейден. Трахни меня уже.

Я вошел в неё одним резким, сокрушительным толчком, не давая ни секунды на подготовку, не оставляя времени, чтобы привыкнуть к моему размеру. Мишель вскрикнула, её тело под моими руками натянулось, как струна, а пальцы впились в простыни. Она была чертовски узкой, и это сопротивление её плоти только сильнее разжигало во мне зверя.

Я вбивался в неё агрессивно, с какой-то первобытной яростью. С каждым толчком я словно вытравливал из неё каждое брошенное мне когда-то оскорбление, каждый унижительный смешок, каждый косой взгляд, который она кидала на «неудачника Фрэнки». Теперь этого парня не было. Был только я, Кейден, который брал её так, как хотел, владея каждым её вздохом и стоном.

Я вбивался в неё с такой силой, что кровать под нами начала протестующе скрипеть. Мишель больше не могла сдерживаться — её напускная уверенность сгорела в этом огне. Она запрокинула голову, выкрикивая моё имя, и её голос дрожал от смеси боли и невыносимого удовольствия.

В какой-то момент её ладони заскользили по моей потной спине. Когда её пальцы коснулись того самого места, где под чернилами татуировки скрывался самый глубокий шрам, меня будто током ударило. Темное прошлое на мгновение вспыхнуло перед глазами.

Я резко приподнялся, не разрывая контакта, и рывком закинул её длинные ноги себе на плечи. Мои пальцы мертвой хваткой вцепились в её таз, фиксируя её, не давая сдвинуться ни на миллиметр.

— Смотри на меня, Морган! — прохрипел я, глядя в её затуманенные, полные слез глаза.

Я начал вбиваться в неё еще глубже, еще яростнее, вдавливаясь в её нутро всем своим весом. Теперь угол был таким, что я достигал самого дна, заставляя её содрогаться в конвульсиях. Я хотел, чтобы она чувствовала меня каждой клеткой, чтобы завтра она не могла ходить, не вспоминая о том, что я с ней сделал. Это была не просто близость. Это была моя окончательная победа над её гордостью.

— Кейден... я больше не могу... я сейчас! — сорвалось с её губ надрывным, сдавленным всхлипом.

Мишель зажмурилась так сильно, что на веках проступи-

ли морщинки, и резко выгнулась дугой, отрывая спину от матраса. В этот момент её внутренние мышцы сжались, обхватывая мой член в такие затяжки, что у меня перед глазами всё поплыло. Это было не просто удовольствие — это была пульсирующая, дикая хватка, которая выбила из меня остатки контроля.

Я зарычал, чувствуя, как внутри всё напрягается до предела. Каждое её сокращение подстегивало мой собственный финал, толкая в пропасть, из которой не было возврата. Последний, самый глубокий толчок — и я кончил с тяжелым, хриплым стоном, который, казалось, вырвался из самой глубины моих легких.

Силы внезапно оставили меня. Я скинул её ноги со своих плеч и рухнул рядом на измятую постель. Тяжелое, рваное дыхание двоих людей заполнило душную комнату. Я чувствовал, как пот катится по моим вискам, а сердце колотится о ребра, словно пойманная птица.

В комнате повисла вязкая, тяжелая тишина, нарушаемая только нашими судорожными вдохами. Я лежал, уставившись в потолок, и ощущал, как эйфория медленно сменяется ледяным осознанием. Я только что взял то, о чем мечтал и что ненавидел два года. Мишель лежала рядом, неподвижная, со спутанными волосами, и я не мог понять — была ли это моя победа или она только что снова обвела меня вокруг пальца.

Я встал, даже не взглянув на неё. Тело казалось налитым

свинцом, но адреналин постепенно выветривался, оставляя после себя странную пустоту и липкое ощущение пота на коже. Мишель уже отвернулась на бок, подтянув колени к груди, — маленькая, хрупкая фигура на фоне развороченных простыней. Но я не позволил себе задержать на ней взгляд. Я не хотел видеть её лицо, не хотел искать в нём признаки того, что она только что со мной сделала.

Я зашел в ванную и плотно закрыл дверь, отсекая себя от её прерывистого дыхания. С глухим раздражением я стянул презерватив и точным, брезгливым движением швырнул его в урну под раковиной — к мусору, которому там и было самое место.

Быстро включил воду, не дожидаясь, пока она прогреется. Ледяные струи ударили по плечам, стекая по татуировкам, но я едва это чувствовал. Я оперся руками о кафель и опустил голову, позволяя воде смывать с меня запах её кожи, её страсти и её лживых, приторных извинений.

В голове был хаос. Каждая клетка тела еще вибрировала от того, как она сжимала меня внутри себя, как выкрикивала моё имя. Это было слишком реально для простой мести. Слишком глубоко для игры. Но я знал Мишель Морган. Она никогда не делает ничего просто так.

Я быстро вымылся, стараясь не думать о том, что она сейчас делает в моей комнате. Мысли о ноутбуке в рюкзаке кольнули коротким импульсом тревоги, но я тут же его подавил. Она раздавлена. Она едва дышит. У неё не хватит сил

даже подняться, не то что шпионить.

Я выключил воду, сорвал с крючка полотенце и наскоро обмотал его вокруг бедер. Вытирая лицо ладонями, я прислушался к тишине за дверью. Было подозрительно тихо.

Я толкнул дверь ванной, чувствуя, как по телу бежит мелкая дрожь от ледяной воды. Полотенце на бедрах казалось почти теплым по сравнению с кожей, которая все еще покалывала от холода. Я вытирал лицо, пытаясь окончательно протрезветь от запаха Мишель и того безумия, которое только что здесь творилось.

Но когда я отнял полотенце от лица, я замер.

Мишель спала.

Она лежала на боку, свернувшись калачиком в самом центре моей измятой кровати. В комнате было прохладно, но она, казалось, этого не замечала. Она была совершенно обнажена — беззащитная, лишенная своей обычной брони из дерзости и сарказма.

Я медленно подошел ближе, глядя на неё сверху вниз. В тусклом свете лампы её щеки горели ярким, лихорадочным румянцем. Дыхание было глубоким и ровным, губы чуть приоткрыты. Но мой взгляд приковало другое.

На её бедрах, на этой идеальной, почти светящейся коже, отчетливо проступили багровые отметины. Следы моих пальцев. Те самые места, где я мертвой хваткой вцепился в неё, когда закидывал её ноги себе на плечи и вбивался в неё с яростью, граничащей с безумием. Эти пятна выглядели как

клеймо моего владения. Мои метки на её теле.

Я смотрел на её разметавшиеся по подушке волосы, на то, как вздымается её грудь, и чувствовал, как внутри всё переворачивается. Эта стерва пришла сюда, чтобы обвести меня вокруг пальца, она хотела влезть мне под кожу своими «извинениями», но в итоге просто вырубилась на моих простынях, вымотанная в ноль.

Она была идеальна. Даже сейчас, когда я знал, что за каждым её вдохом может стоять расчет.

Я стоял в темноте комнаты, капли холодной воды всё еще скатывались по моим татуировкам, а я не мог заставить себя пошевелиться. В голове пульсировала одна мысль: я получил всё, чего хотел, но почему-то сейчас, глядя на её спящую, мне хотелось не торжествовать, а просто накрыть её одеялом.

Глава 6.

Мишель

10 часами ранее.

Дорога от университета до апартаментов прошла как в тумане. Я влетела в квартиру, заперла дверь на все замки и первым делом выключила телефон. Экран погас, но образ Кейдена Брукса, стоящего в полумраке архива, казалось, выжегся на моей сетчатке.

Я была в абсолютной панике. Растерянность сковала меня так сильно, что я полчаса просто стояла в прихожей, глядя в пустоту. Угрожать ему? Бессмысленно. Искать защиты? У кого, если он контролирует каждый мой цифровой след? Он был не просто на шаг впереди — он играл на доске, которую сам же и сконструировал.

Ближе к вечеру я превратилась в жалкую пародию на саму себя. Закутавшись в огромный шерстяной плед, я сидела на диване перед телевизором, где шло какое-то бессмысленное реалити-шоу. В руках была банка клубничного мороженого, но я едва чувствовала его вкус.

Внезапный звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Я сжалась, закутываясь в плед по самый подбородок. Я не хотела никого видеть, не хотела говорить. Но гость снаружи не собирался сдаваться. После серии настойчивых ударов раздался голос Эспен:

— Открывай, девочка! Я знаю, что ты дома. Твой консьерж тебя выдал, Мишель!

Я тяжело вздохнула, понимая, что эта фурия не отстанет. Кое-как поднявшись, я побрела к двери и провернула ключ. Эспен влетела в гостиную как ураган, но тут же замерла, оглядывая меня с ног до головы.

— Боже, Мишель, что с тобой? Ты заболела? — она комично прикрыла рот рукой, пятясь назад. — Я не хочу заразиться, у меня свидание в субботу!

Я покачала головой, с трудом выдавив из себя слова: — Не заболела я. Я унижена и уничтожена, Эспен. Тебе лучше бежать от меня подальше. С таким человеком, как я, сейчас лучше не иметь ничего общего.

Эспен на секунду посерьезнела, а потом решительно отбросила сумку на кресло. — Мишель, ты моя лучшая подруга. Что бы ты ни сделала, я не буду тебя судить. Ну, кроме случая, если ты отобьешь у меня мужа. Парня еще ладно, но мужа — ни-ни!

Я невольно прыснула, и мы обе коротко рассмеялись. Этот смех был как глоток воздуха в вакууме. Мы упали на диван, и Эспен тут же бесцеремонно выхватила у меня банку с мороженым.

— Так, вываливай, детка. Что случилось? Я от тебя не отстану.

Я начала рассказывать. Голос дрожал, я подбирала слова, намеренно пропуская всё то безумие, что творилось между

нами в архиве. Я рассказала о шантаже, о его личности, о том, что он вернулся, чтобы отомстить.

— Тот самый Кейден Брукс? С вечеринки Каппа Фи? — Эспен чуть не выронила ложку. — Не могу поверить... Вы стебались над этим парнем? Да он же сейчас сам кого хочешь нагнет!

— Тогда он выглядел иначе, Эспен, — тихо перебила я её. — Он не был таким... большим.

— Да он же ходячая секс-машина, Мишель! — воскликнула подруга, не скрывая восторга. — Ты видела его плечи? А эти татуировки?

Я поежилась. Мне было физически больно обсуждать его внешность. Казалось, если я снова начну вслух разбирать его черты, Брукс материализуется прямо здесь, влетит в окно и сожжет меня взглядом-лазером. Я боялась даже упоминать его шрамы, скрытые под чернилами. В моей памяти всё ещё жил Фрэнки — тот худой, высокий и до смерти закомплексованный парень, которого мы когда-то сломали. Но тот Кейден, который прижал меня к столу в архиве, не имел с ним ничего общего.

— Он опасен, Эспен. И у него в руках всё, что может меня уничтожить, — я посмотрела на свои дрожащие пальцы, которые до сих пор помнили стальную хватку его рук. — Я не знаю, что мне делать. Моя репутация может превратиться в пепел уже завтра.

Я сглотнула вязкий ком в горле. Страх перед Кейденом

был не просто опасением, это было предчувствие катастрофы.

— Мне кажется, он уже начал. Он... он просто уничтожил Скотта. Его больше нет, Эспен. Того Скотта, которого все знали, стерли с лица земли за один вечер.

Эспен округлила глаза, и ложка с мороженым замерла у её рта. — Ты что, думаешь, он... убил его?! Боже мой, Мишель!

— Конечно нет! — я нервно всплеснула руками, чувствуя, как дрожат пальцы. — Я имею в виду его социальную смерть. Кейден сделал так, что Скотт теперь — изгой, которого ненавидит весь штат. Он не просто слил компромат, он заставил его совершить публичную казнь самого себя. Понимаешь? От него отвернулись все: тренеры, друзья, семья. Его будущее превратилось в пепел.

Я сглотнула, глядя в одну точку. — И я боюсь, что Кейдену будет мало того компромата на меня, что у него уже есть. Он может меня подставить так же изящно, запереть в ловушке или сделать что-то еще хуже. Он не просто ворует данные, Эспен. Он играет жизнями, как в гребаные шахматы, и я сейчас — его следующая фигура.

Я тараторила, не разбирая слов, чувствуя, как внутри натягивается невидимая струна. Нервы были на пределе. Эспен резко подалась вперед и крепко схватила меня за руку, заставляя замолчать.

— Посмотри на меня, — твердо сказала она. — Все будет в порядке, милая. Ничего он тебе не сделает. Если он попро-

бует — я убью его лично.

Я бессильно опустила голову на раскрытые ладони, чувствуя, как плед соскальзывает с плеч. Тишина в комнате давила, пока Эспен снова не заговорила, на этот раз тише и вкрадчивее.

— Слушай, я думаю, единственный выход из этой ситуации — это или убить его, или влюбить в себя... затрахав до смерти.

Я подняла на неё непонимающий взгляд, а она продолжила, ничуть не смутившись: — Он должен пожалеть тебя, понимаешь? Проникнуться тобой. Соблазни его, детка. Трахни его так, чтобы он забыл собственное имя, не то что там какие-то твои переписки! На таком экземпляре, согласишься, не стремно будет и поскакать верхом.

Эспен смешно подмигнула мне, пытаясь разрядить обстановку, но я всё ещё была в оцепенении. — Что значит «влюбить»? Эспен, он не просто парень из кампуса. Он... он другой. Ты не видела его глаз. В них нет ничего, кроме цифр и жажды контроля. Он ненавидит меня каждой клеткой своего тела.

— Все они одинаковые, когда дело доходит до постели, — отмахнулась она, облизывая ложку. — Сделай так, чтобы его мозг отключился. Когда кровь отливает от головы, мужчины становятся очень сговорчивыми. И тебя невозможно ненавидеть, Мишель, — она мягко улыбнулась. — Ты самая необыкновенная девушка, которую я знаю. Просто приди к

нему сегодня. Извинись. И ради всего святого — не плачь. Никто не любит плакс. Соблазни его и приручи. Сделай так, чтобы на следующее утро не ты была у него на поводке, а он у тебя.

Я посмотрела прямо перед собой, и в голове вдруг стало удивительно ясно. План Эспен звучал безумно, но в нем был смысл. Если я не могу победить его силой или угрозами, я должна ударить по самому уязвимому — по его чувствам, которые он так старательно прячет за своей броней из татуировок и мышц.

Моё единственное спасение — влюбить в себя Кейдена Брукса. И заставить его уничтожить всё, что у него на меня есть, собственными руками.

Когда я открыла глаза, в комнате уже смеркалось. Сумерки густыми тенями заполняли углы, и я не сразу поняла, где нахожусь. Но тело помнило всё. Каждая мышца ныла тягучей, непривычной болью, а кожа на бедрах горела. Я не помнила, как заснула, в какой момент тьма просто поглотила меня после того запредельного пика.

Я повернулась на бок, ожидая почувствовать тепло его тела рядом, но кровать была пуста. Кейден сидел за столом, его лицо подсвечивалось синеватым сиянием монитора. Он был полностью погружен в работу, пальцы быстро порхали по клавиатуре.

Я приподнялась, и плед — я не помнила, чтобы накрыва-

лась им — соскользнул с моей груди. Я судорожно подтянула его выше, прижимая к себе, и негромко позвала: — Кейден...

Он медленно повернулся. На нем была черная толстовка, надетая прямо на голое тело, и серые спортивные джоггеры. Вид у него был пугающе спокойным. Расслабленным. Будто той безумной ночи, где он вбивался в меня с рычанием, просто не существовало.

Мой план «влюбить и приручить» в эту секунду показался мне детским лепетом. Он не выглядел как человек, который попал в чьи-то сети.

— Извини, я не собиралась занимать твою кровать, — я посмотрела на свои руки, избегая его тяжелого взгляда. — Ты совсем не спал?

— Нет, — отрезал он. Коротко и холодно.

— Можно... можно мне воспользоваться ванной? — спросила я, чувствуя, как щеки заливают краска смущения.

— Валяй, — Кейден уже развернулся обратно к экрану, на котором бежали бесконечные строки непонятных кодов.

Я встала, намеренно медленно сбросив плед. Я надеялась, что вид моего обнаженного тела в полумраке заставит его снова потерять голову, возбудит его так, что он не захочет меня отпускать. Но он даже глазом не моргнул. Тихий стук клавиш продолжался, словно я была просто деталью интерьера.

Зайдя в ванную, я едва не вскрикнула, взглянув в зеркало. — Боже... что со мной...

Волосы — сплошной колтун, тушь размазалась под глазами, превратив меня в панду. Я начала лихорадочно умываться, пытаюсь привести себя в порядок. Зубной щетки у меня не было, поэтому я просто выдавила каплю его пасты на палец и кое-как почистила зубы.

Взглянув на себя еще раз, я увидела отметины. Темные пятна на бедрах и попе — следы его пальцев. На груди красовался яркий засос. Я осторожно коснулась его, и между ног мгновенно стало тепло. Боже, у меня еще никогда не было такого секса. Ни один парень не доводил меня до такого иступления, до такого животного восторга. Я тряхнула головой, снова плеснув в лицо ледяной водой. Нужно собраться.

Когда я вышла, он всё так же сидел у монитора. Злость начала закипать во мне. Я сделала всё, что могла, я отдалась ему так, как никому в жизни, а он ведет себя так, будто я — пустое место.

— Кейден, — я сделала шаг к нему. — Мне было хорошо вчера. Очень. Ты может скажешь хоть что-то?

Он медленно поднялся с кресла. Его лицо не выражало ничего. Он нагнулся, поднял мои вещи с пола и просто протянул их мне. Его рука даже не коснулась моей кожи. Мне показалось, что ему противно.

— Мишель, мне нужно собраться на занятия. Тебе пора, — холодно произнес он.

Я замерла в шоке, сжимая в руках свой рашгارد. Это был удар под дых.

— Ладно... я сейчас уйду, — тихо проговорила я.

Я быстро натянула одежду, пряча отметины под тканью, и скрыла лицо под кепкой. Вчера я так кричала, что соседи наверняка слышали каждый мой стон. Меньше всего мне хотелось встретить кого-то в коридоре.

Завязывая шнурки, я бросила на него последний взгляд. Кейден спокойно заваривал себе кофе. «Мудак, даже чашку не предложил», — зло подумала я. Но на выходе я всё же остановилась.

— Кейден... мне правда жаль. То, что я говорила вчера... ну, до того, как всё началось. Это было искренне. Я не знаю, как загладить вину после того унижения, что ты пережил...

Он резко оборвался и развернулся ко мне. Его глаза полыхнули чем-то опасным, а лицо исказилось. — Мишель, тебе пора. Уходи! — почти крикнул он, и этот голос заставил меня вздрогнуть.

Я кивнула, не в силах больше вынести этого холода, и выбежала за дверь, чувствуя, как к горлу подкатывают слезы, которые я так обещала Эспен не проливать.

Я вернулась в свои апартаменты, чувствуя себя так, словно меня пропустили через мясорубку — и физически, и морально. Первым делом я залезла в душ, включив воду почти на максимум. Я терла кожу мочалкой до красноты, пытаюсь смыть этот странный коктейль из его запаха, собственного позора и непонятного послевкусия триумфа.

Выйдя из ванной, я превратила свою гостиную в филиал

спа-салона. На лицо — тканевую маску, на волосы — восстанавливающее масло, на тело — слой самого дорогого крема. Мне нужно было вернуть себе ощущение контроля, собрать себя по кусочкам из той дрожащей девчонки, которую он только что выставил за дверь.

Нанося крем на бедра, я задержала взгляд на темных пятнах. Мои пальцы коснулись их, и я прикрыла глаза.

— Ладно, Брукс... Один — один, — прошептала я в пустоту комнаты.

План Эспен «влюбить в себя» звучал красиво в теории, но на практике я столкнулась с ледяной стеной. Секс был запредельным, но утром Кейден смотрел на меня так, будто я была досадной помехой в его расписании. Чтобы он влюбился, мне нужно было заслужить его прощение, а как это сделать, если при одном упоминании прошлого он превращается в кусок гранита? О какой любви может идти речь, если он хочет мое тело, но в глубине души всё еще ненавидит ту девчонку из школы?

Мне нужно было действовать тоньше. Написать ему? Пригласить куда-нибудь?

Я схватила телефон и замерла. У меня не было его номера. Только тот засекреченный чат, через который он писал мне как хакер-шантажист. Писать туда сейчас было равносильно признанию в поражении. Нет, мне нужен был его личный, настоящий номер.

Тут я вспомнила про Брендана из братства. Если Кейден

действительно помог им с системой безопасности, у Брендана точно остались контакты.

Пальцы быстро забегали по экрану.

Мишель: «Брендон, привет! Слушай, у меня тут возникли серьезные траблы с моим будущим сайтом (дизайн-проект для курса), нужен профи-технарь. Помню, ты говорил, что Кейден Брукс в этом отлично шарит. Можешь, пожалуйста, скинуть его номер?»

Я затаила дыхание, глядя на три прыгающие точки внизу экрана. Брендон ответил спустя минуту.

Брендон: *«Держи: +1 (555) 019-24-88. Но Мишель, только одна просьба: не говори, что номер достала от меня. Он не любит, когда его беспокоят лишними звонками на личный. Я сам его с трудом достал ##».*

Я смотрела на эти цифры, и сердце колотилось где-то в горле. Теперь у меня была ниточка. Настоящая, не анонимная связь с человеком, который за одну ночь перевернул мою вселенную.

Я открыла создание нового сообщения. Экран был пуст и слепил белизной. Что написать? «Привет, это Мишель, спасибо за ночь»? Глупо. «Нам нужно поговорить»? Слишком официально.

Я должна была найти способ загладить ту вину, о которой он не хочет даже слушать.

Глава 7.

Кейден

Вернувшись в общежитие после лекций, я первым делом наткнулся взглядом на кровать. Простыни всё еще были смяты, храня память о каждом еёestone, о каждом её выдохе. В комнате до сих пор стоял её запах — смесь дорогого парфюма и той сладковатой нежности, которая окутывала её тело.

Этот запах душил меня. Он проникал под кожу, путая мысли и заставляя кулаки сжиматься от бессилия.

— Пошла ты, Морган, — процедил я сквозь зубы.

Я психанул. Резким движением распахнул окно настежь, выпуская в комнату шум вечернего города и прохладный воздух. Мне нужно было выветрить её отсюда. Из этой комнаты, из своих легких и, самое главное, из своей головы. Она была слишком хороша. Настолько, что это невозможно было перекрыть никаким другим опытом, никаким логическим доводом. Она была как вирус, который пробрался в мою систему и теперь методично разрушал выстроенные годами барьеры.

В кармане джинсов завибрировал телефон. Короткий, резкий звук уведомления.

Я достал мобильный, ожидая увидеть отчет по коду, но на экране высветилось имя, которое я меньше всего ожидал увидеть в обычном мессенджере.

Мишель Морган.

Конечно, её номер был у меня сохранен — я знал о ней всё еще до того, как она узнала о моем существовании. Но я никогда не писал ей со своего личного.

Я разблокировал экран.

Мишель: *«Кейден, я знаю, что ты, наверное, никогда меня не простишь. Но, может, дашь мне хотя бы шанс загладить свою вину? Приглашаю тебя на ужин. Пожалуйста, ответь. Удобно ли тебе сегодня вечером?»*

Я смотрел на эти буквы, и внутри меня закипала холодная ярость. Какая наглость. Она даже не спросила, хочу ли я её видеть. Она просто поставила вопрос так, будто мой ответ «да» — это лишь формальность. «Удобно ли тебе сегодня». Она уже всё рассчитала. Она думала, что после этой ночи я на крючке, что её «извинение» в постели открыло ей все двери.

Её самоуверенность бесила. Она по-прежнему считала, что мир вращается вокруг её желаний, как и два года назад.

Я нажал кнопку блокировки. Экран погас, отражая мое перекошенное лицо. Отвечать? Еще чего. Пусть помучается, глядя на «просмотрено» без единого слова.

Я не собирался быть её послушным песиком, которого можно прикормить ужином. Мне нужно было сбросить это напряжение, пока я не разнес комнату к чертям. Я быстро переоделся в спортивное, схватил наушники и, не оборачиваясь на кровать, выскочил из комнаты.

Теплый вечер встретил меня шумом улиц. Я включил му-

зыку на максимум, забивая свои мысли тяжелым битом, и побежал. Быстрее, сильнее, пока легкие не начало жечь, а образ Мишель, стоящей в моих дверях, не начал расплываться в сером тумане усталости.

Прошло два дня. Сообщение Мишель так и висело в списке чатов — прочитанное, холодное, без ответа. Я игнорировал его с тем же упорством, с каким игнорировал фантомные ощущения её пальцев на своем теле. Я зарылся в учебу и код, выматывал себя в зале до состояния, когда конечности превращались в вату.

Я как раз выходил из тренажерного зала, вытирая шею полотенцем, когда телефон в кармане разразился звонком. На экране высветилось: «Брендон Рихтер».

— Привет, братан! — голос Брендона так и сочился фальшивым дружелюбием и избытком тестостерона. — У меня к тебе есть очень классное предложение. Мы тут с парнями решили замутить такую движуху, но без твоего техно-мозга нам не справиться.

Я поморщился, чувствуя, как от его восторженного тона начинает ныть в висках. — Рихтер, я занят...

— Слушай, это большие деньги, Брукс, — перебил он, не давая мне вставить и слова. — Давай, подваливай сегодня в «The Copper Shield» к восьми. Обговорим всё, выпьем по пиву. Будем ждать!

И он повесил трубку. Я замер, глядя на погасший экран.

— Уебок... — тихо выдохнул я.

Меня трясло от того, насколько эти богатые мудаки были уверены в своей власти. Они даже не допускали мысли, что кто-то вроде меня может отказаться. Для них я был инструментом, деталью, которую можно вызвать по щелчку пальцев.

Но, черт возьми, он попал в точку — деньги мне были нужны. Мой основной рабочий процессор начал барахлить на сложных вычислениях, а это мой хлеб. И была еще мама. Она работала в реабилитационном центре, и эта работа буквально высасывала из неё жизнь. Постоянное соприкосновение с чужой болью и тенями человеческих судеб измотало её. Она давно мечтала поехать в Атланту, навестить сестру, просто сменить обстановку и выспаться в тишине. Я хотел дать ей этот отдых.

Я вернулся в комнату, быстро принял ледяной душ, смывая соль и усталость. Переоделся в чистые джинсы и худы, сунул в карман телефон и пачку сигарет.

Вечер уже сгущался, окрашивая небо в грязно-фиолетовые тона. «The Copper Shield» находился всего в паре кварталов от кампуса. Это было классическое студенческое логово: прокуренный воздух, липкие столы, грохот бильярдных шаров и дешевое пиво.

Я бывал здесь несколько раз с Джаксом — парнем, который набил мне почти все мои татуировки. Он уже выпустился, и мне его не хватало. Джакс был единственным, с кем я

мог говорить, не фильтруя каждое слово, и кто не смотрел на мои шрамы с жалостью или отвращением.

Толкнув тяжелую дверь бара, я поморщился от ударившей в лицо смеси запахов хмеля и табака. Мой взгляд начал сканировать зал в поисках Брендона и его компании.

Я нашел их в самом дальнем углу — за массивным островным столом с тяжелым диваном, который огибал столешницу по трем сторонам, создавая подобие закрытой ложи. Типичное место для тех, кто хочет казаться важнее, чем они есть на самом деле.

Когда я подошел, Брендон вскочил, расплываясь в своей фирменной улыбке «своего парня». Я с неохотой подал ему руку. Его ладонь была мягкой, в то время как мои костяшки всё еще саднили после вчерашней тренировки.

— Присаживайся, Брукс! — он указал на место напротив себя. — Харингтон, принеси нашему другу пива. Или ты выпьешь что-нибудь покрепче?

— Я не пью, — отрезал я, опускаясь на кожаное сиденье.

— Понял. Харингтон, колы подай, — бросил Брендон одному из парней. Тот послушно кивнул и направился к барной стойке.

За столом сидели еще двое. Я не знал их имен и, честно говоря, не планировал тратить место в памяти на этих манекенов в брендовых поло. Я перевел взгляд на Брендона, который явно наслаждался моментом.

— Ближе к делу, Рихтер. Что за работа, о которой ты тре-

пался по телефону?

Брендон мгновенно преобразился. Он чуть подался вперед, снизил тон и сделал такое серьезное лицо, будто мы обсуждали поставку оружия, а не студенческие махинации. Видимо, пересмотрел фильмов про мафию.

— Слушай внимательно, — прошептал он. — Мы хотим создать теневую экосистему внутри университетской сети. Нам нужно, чтобы это работало прямо под носом у IT-отдела кампуса, но оставалось для них невидимым.

Он начал выкладывать схему, и я невольно прищурился, анализируя техническую часть.

План был масштабным и насквозь гнилым. Они хотели запустить Dark Betting — тотализатор на всё подряд: от игр футбольной команды «Buckeyes» до извращенных ставок на то, какой препод «завалит» больше народу на сессии. Брендон хотел, чтобы я создал PWA, которое для любого админа будет выглядеть как безобидный библиотечный софт или учебный портал. Студент открывает «учебник», а внутри — котировки, линии и живые деньги.

Но это было только начало.

— Нам нужна система The Dead Drop, — продолжал Брендон, сверля меня взглядом. — Оплата нелегальных услуг. Ответы на тесты, «вещества», что угодно. Ты настраиваешь систему цифровых меток. Пользователь платит криптовалютой, и приложение выдает ему GPS-координаты. За пределами кампуса. Например, в заброшенном крыле старого склада у

реки Огайо. Пришел — забрал «выигрыш».

— И всё это через зашифрованные туннели на оффшорные сервера? — закончил я за него, уже прикидывая архитектуру защиты Outer Rim. — Чтобы полиция Колумбуса даже не поняла, откуда идет сигнал?

— Именно. Ты создаешь нам «черный ход» в университет, а мы платим тебе столько, сколько ты в жизни в руках не держал. Подумай сам, Брукс, с такими деньгами ты сможешь купить себе любое железо, о котором мечтаешь, и еще останется на безбедную жизнь до конца учебы.

Я молчал, глядя на пузырьки в принесенном стакане колы. Проект был грязным, опасным и чертовски прибыльным. Это была игра с огнем, которая могла либо вытащить мою семью из ямы, либо отправить меня за решетку на долгие годы. С одной стороны — риск, с другой — возможность наконец-то починить оборудование и дать матери тот отдых, который она заслужила.

— Ну так что, Брукс? — Брендон подтолкнул ко мне телефон с открытым криптокошельком, где уже светился аванс. Сумма была внушительной, даже для такого зажавшегося мажора, как он. — Ты в деле? Или так и будешь просиживать штаны, копаясь в чужом дерьме?

Я посмотрел на экран телефона, потом на самодовольную рожу Брендона. Мне претило работать на них, но реальность была под дых: принципами не оплатишь счета.

— Сделаю один узел, — холодно ответил я, не касаясь

телефона. — Посмотрю, как пойдет трафик. Если IT-отдел шелохнется хоть на миллиметр — я выхожу. И деньги остаются у меня.

— Договорились! — Брендон хлопнул ладонью по столу, явно не ожидая другого ответа. — Харингтон, еще колы нашему гению!

Я откинулся на спинку дивана, ощущая, как липкая паутина этого места затягивает меня всё глубже. Я планировал просто забрать деньги и исчезнуть, но интуиция подсказывала, что Рихтер и его «братство» — это только вершина айсберга.

Но в этот момент входная дверь распахнулась, и всё остальное — и коды, и Брендон, и жажда наживы — перестало существовать.

В бар вошла Мишель.

Никаких спортивных курток или попыток скрыться. Она была невероятно, вызывающе шикарна. Узкие джинсы, высокие каблуки, которые выбивали по полу четкий, уверенный ритм, и топ, полностью открывающий её точеные плечи и глубокое декольте. В полумраке бара её кожа казалась фарфоровой, почти светящейся под неоновыми вывесками. Рядом с ней шла её рыжая подруга, что-то быстро тараторя, но Мишель едва кивала в ответ.

Они не заметили нас в тени нашего угла и направились напрямиком к барной стойке.

Я невольно прищурился, наблюдая за ней. Мишель не вы-

глядела как обычно. Исчезла её привычная маска стервозного превосходства, исчез этот ленивый прищур королевы кампуса. Её лицо было серьезным, почти подавленным, а в линии рта читалось напряжение, которое не мог скрыть даже идеальный макияж. Она выглядела так, будто каждое движение давалось ей с трудом.

Они заняли высокие стулья у бара, и Мишель что-то коротко бросила бармену, даже не взглянув на меню.

— О-о-о, гляньте-ка, какой вид открывается, — протянул Брендон, проследив за моим застывшим взглядом. Он сально усмехнулся и толкнул локтем Харингтона. — Ты только посмотри на эти изгибы. Морган сегодня явно забыла надеть половину одежды. Я бы не отказался узнать, насколько глубокое у неё это декольте на самом деле. Говорят, она в постели такая же стерва, как и в жизни, — кусается и царапается, пока не приструнишь.

Парни за столом заржали, обмениваясь двусмысленными жестами. Я почувствовал, как внутри меня закипает холодная, колючая ярость. Кулаки под столом сжались сами собой, а челюсть свело так, что зубы едва не закрипели. Эти животные обсуждали её так, будто она была куском мяса на витрине, и осознание того, что я был единственным здесь, кто на самом деле знал, какая она в постели — беззащитная и податливая, — выжигало мне внутренности.

— Наша неприступная леди Морган соизволила спуститься к простым смертным, — громко добавил Брендон, уже не

обращая внимания на мое состояние. Он явно хотел покрасоваться перед своей свитой.

— Эй, Морган! — выкрикнул он, картинно взмахнув рукой, привлекая внимание всего зала. — Иди сюда, красавица! У нас тут серьезные терки, как раз не хватает украшения для стола! Садись ко мне, я угощаю!

Мишель медленно повернула голову на крик. Её взгляд лениво скользнул по Брендону, по его друзьям и, наконец, наткнулся на меня.

Весь её напускной холод осыпался в ту же секунду. Её глаза расширились, губы чуть приоткрылись, а по лицу пробежала тень такого искреннего шока, что я почти почувствовал его физически. Она смотрела на меня, сидящего в компании тех, кого я должен был ненавидеть больше всего на свете, и в её взгляде читался немой вопрос.

— Кейден? — я лишь прочитал это по её губам. Она на мгновение замерла, не сводя с меня глаз, будто я был призраком, восставшим из мертвых прямо посреди этого дешевого бара. Но этот момент длился всего секунду.

Она резко отвернулась, склонилась к подруге и что-то быстро зашептала ей на ухо. Та тут же вывернула шею, отыскала нас взглядом и, округлив глаза, что-то эмоционально ответила Мишель. Они переглянулись — короткий, напряженный диалог без слов, который я не мог расшифровать.

Мишель проигнорировала выкрик Брендона, словно он был назойливой мухой. Вместо ответа она схватила прине-

сенный барменом шот и одним резким движением опрокинула его в себя. Эспен что-то весело крикнула ей, заливаясь смехом, но лицо Мишель оставалось непроницаемым. Она стукнула рюмкой по столу и жестом потребовала повторить.

Брендон, не привыкший к тому, что его игнорируют — тем более на глазах у «свиты» — заметно помрачнел. Его самолюбие было задето. — Ну, — протянул он, поднимаясь с дивана, — кажется, королеве нужно личное приглашение.

Я наблюдал, как он вальяжной походкой направился к барной стойке. Мой пульс зашкаливал, превращаясь в глухой гул в ушах. Когда Брендон подошел к ним и по-хозяйски положил руку на обнаженное плечо Мишель, пальцы сжали стакан с колой так, что он едва не лопнул. Кожа к коже. Его пальцы на месте, которое еще недавно принадлежало мне.

«Она не твоя, Кейден. Успокойся. Она — никто», — твердил я себе последние три дня, пытаюсь подавить эту ядовитую ревность.

Мишель среагировала мгновенно. Она холодным движением сбросила его руку, даже не обернувшись, и что-то жестко бросила ему через плечо. Брендон на секунду замер, затем примирительно поднял руки вверх, имитируя капитуляцию, и с натянутой усмешкой побрел обратно к нам.

— Похоже, стерва сегодня не в настроении, — бросил он, плюхаясь на диван и пытаясь сохранить лицо перед парнями.

Я резко встал. Скрип ножек стула о пол прозвучал как выстрел. Парни с недоумением и негодованием уставились на

меня. В воздухе повисло тяжелое осознание: я выдал себя. Моя реакция была слишком быстрой, слишком явной для «простого технаря».

— Мне пора, — отрезал я, не глядя ни на кого из них. Голос звучал глухо и отстраненно. С трудом удерживая маску безразличия, я добавил: — Дам знать по поводу твоего проекта позже.

Я вышел из-за стола, чувствуя на себе их взгляды. Спина горела, а внутри всё клокотало от желания обернуться. Но я заставил себя смотреть только на выход. Даже не взглянув в сторону барной стойки, где сидела она, я толкнул тяжелую дверь и вышел из паба в прохладу ночи.

Я вышел на парковку, чувствуя, как холодный ночной воздух обжигает легкие, но даже он не мог остудить то бешеное пламя, что полыхало внутри. Гул в ушах мешал соображать. Я шагал по темному асфальту, мимо редких фонарей, которые отбрасывали длинные, ломаные тени от припаркованных машин.

Внезапно за спиной хлопнула тяжелая дверь паба, и тишину парковки разрезал торопливый, неровный стук каблуков. Я не оборачивался. Я кожей чувствовал её приближение.

— Кейден! Подожди! — её голос сорвался на высокой ноте, прозвучав почти отчаянно.

Я только прибавил шаг. Если я сейчас остановлюсь, если посмотрю в её глаза, вся моя выстроенная защита рухнет. Но звук за спиной участился — она сорвалась на бег. Глупая,

безумная девчонка, бегущая по неровному асфальту на высоких шпильках.

Вдруг раздался резкий, сухой хруст, за которым последовал глухой удар и полный боли вскрик: — А-а-ай! Боже... как больно!

Я развернулся на каблуках прежде, чем успел запретить себе это. Мишель сидела прямо на грязной дороге, поджав под себя одну ногу и обхватив лодыжку тонкими пальцами. Я в несколько прыжков преодолел расстояние между нами и опустился на корточки так резко, что колено ударилось об асфальт.

— Мишель? Ты как? — мой голос прозвучал хрипло, выдавая весь тот ужас, что я испытал секунду назад.

— Боли-и-ит... — простонала она, зажмурившись. По её щеке скатилась одинокая слезинка, прокладывая дорожку на идеальном макияже.

— Ты встать сможешь? — я протянул руки, но замер в сантиметре от её плеч.

Она судорожно скинула туфли и попыталась опереться на здоровую ногу. Её качнуло. Видя, как она теряет равновесие, я не выдержал — шагнул вперед и обхватил её за талию. Ладонь мгновенно обожгло теплом её кожи под тонкой тканью топа. Она вцепилась в мои предплечья, ища опору, и я почувствовал, как она мелко дрожит. Меня накрыл запах её духов — цитрус и что-то дурманяще-сладкое, аромат, который я пытался вытравить из памяти все эти дни.

Мишель подняла на меня глаза. В них не было привычной стервозности, только чистая, концентрированная мольба. — Кейден... давай поговорим. Прошу тебя.

Я смотрел на неё, чувствуя, как внутри всё переворачивается. Она только что рухнула, она едва не сломала ногу, а всё, что её сейчас по-настоящему ранило — это моё молчание. Я сглотнул, невольно засмотревшись на её губы.

— Какого черта ты за мной неслась? — я едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик, пряча за этой злостью чертову панику. — На этих шпильках... Ты хоть понимаешь, как тупо это выглядело со стороны? Хватит изображать из себя героиню, это просто смешно.

Мишель опустила голову, и её плечи поникли. — Да... ты прав. Не нужно было, — тихо ответила она.

Внутри меня что-то неприятно кольнуло. Мне не понравилось, как легко она согласилась. Значит, я действительно не стоил этой погони? Значит, она готова сдаться так быстро? Но через пару секунд она добавила, едва слышно: — Нужно было просто снять их раньше. Они чертовски неудобные.

На моих губах против воли промелькнула мимолетная, горькая улыбка. В этом была вся Мишель — даже в момент полного поражения она находила способ перевернуть ситуацию.

— Идти можешь? — спросил я. Она сделала попытку наступить на ногу, но тут же скривилась, и из её горла вырвал-

ся придушенный всхлип.

— Позвать твою подругу? — я кивнул в сторону бара.

— Нет. Не нужно. Помоги мне дойти до машины. Моя белая, она там, в конце ряда.

Видеть, как она хромает, цепляясь за меня, было невыносимо. Я молча подхватил её на руки. Мишель ахнула, непроизвольно прижимаясь ко мне. В одной руке она сжимала свои бесполезные туфли и сумочку, а другой обнимала меня за шею. Я нес её, чувствуя вес её тела, её прерывистое дыхание у своего уха. Она не смотрела на машины. Она смотрела прямо на меня — не отрываясь, широко раскрытыми, блестящими от слез глазами.

— Где машина, Мишель? — мой голос стал тише, когда я поймал её взгляд. Она лишь махнула рукой в сторону Порше, не прерывая нашего зрительного контакта.

Когда мы подошли, она начала лихорадочно искать ключ в сумке. Я поставил её на землю, прижимая к кузову автомобиля, чтобы она не упала. Открыв дверь, она неловко забралась внутрь, закинув туфли на заднее сиденье.

— Ты сможешь вести, Морган? — я заглянул в салон, опираясь руками о крышу. Она уставилась в лобовое стекло, и я увидел, как её подбородок задрожал. Она едва заметно кивнула, но я видел, что она лжет. Я осторожно коснулся её подбородка, поворачивая её лицо к себе. На её ресницах дрожали слезы, готовые вот-вот пролиться. Я никогда не видел её такой... разбитой. На грани. И я не знал, виновата ли в

этом боль в лодыжке или тот холод, которым я обливал её последние дни.

— Мишель... Перелезай. Я отвезу тебя.

Она кивнула и, стараясь не тревожить ногу, осторожно перебралась на пассажирское сиденье. Я сел за руль. Кожаный салон, запах новой машины и высоких технологий — полная противоположность старой развалюхе моей матери в Цинциннати. Мишель дрожащим пальцем показала, как завести двигатель.

— Пристегнись, — скомандовал я.

Мы выехали в ночной город. Огни Колумбуса расплывались на лобовом стекле длинными полосами. — Куда? — спросил я через пару минут. Она начала тихим голосом называть повороты.

— Ты как? Сильно болит? Может, всё-таки в больницу?

— Нет, Кейден. Просто помоги мне добраться до дома. Приложу лед, всё будет в порядке.

Я осторожно вел «Порше» по ночным улицам Колумбуса, чувствуя, как под капотом пульсирует мощь сотен лошадиных сил. Мишель сидела рядом, откинув голову на кожаное сиденье, и я кожей чувствовал её взгляд, направленный на мой профиль.

Когда впереди выросла элитная многоэтажка из стекла и бетона, я сбросил скорость.

— Где лучше припарковаться? — спросил я, сворачивая к парадному входу.

Мишель повернулась ко мне, её лицо в мягком свете приборной панели казалось непривычно бледным и трогательным.

— Кейден, — тихо произнесла она, — не паркуй её. Оставь машину себе на ночь. Тебе через весь город добираться до кампуса, я не хочу, чтобы ты шел пешком или ждал автобус.

Её забота полоснула меня по сердцу. Она предлагала мне ключи от машины стоимостью в несколько моих годовых обучений, просто чтобы я не утруждал себя дорогой.

— Я вызову такси, Морган, — отрезал я, даже не глядя в её сторону. Мой голос прозвучал жестче, чем я планировал, но мне нужно было выстроить эту стену. — Не переживай за меня. Справлюсь.

Она поджала губы, и в её глазах снова блеснула та самая тень обиды, которую я видел на парковке. Она лишь коротко кивнула и указала рукой в сторону пандуса.

— Хорошо. Тогда спускайся в подземный паркинг. Моё место — сто двенадцатое.

Я заглушил мотор, и в тишине подземного паркинга звук остывающего двигателя казался неестественно громким. Я вышел из машины, обошел капот и открыл пассажирскую дверь.

Мишель сидела, вжавшись в кресло, и выглядела до того беззащитной, что у меня внутри всё болезненно сжалось. Она была босой, её пальцы судорожно сжимали ремешок су-

мочки, а взгляд был прикован к лодыжке, которая на глазах начинала опухать. Я молча наклонился и снова подхватил её на руки. Она тут же обхватила меня за шею, пряча лицо в изгибе моей ключицы, и я почувствовал, как она мелко дрожит — то ли от боли, то ли от пережитого шока.

Я уже почти захлопнул дверь ногой, но бросил взгляд на заднее сиденье.

— Туфли забрать? — спросил я, чувствуя её горячее дыхание на своей коже.

— Потом... заберу потом, — выдохнула она, не открывая глаз.

Её пальцы впились в моё плечо так крепко, словно она всерьез опасалась, что я могу передумать, разжать руки и оставить её здесь. Я напрягся, ощущая тяжесть её тела и ту невероятную близость, от которой по венам разливался свинец, и понес её в сторону лифта.

Пока мы поднимались наверх в зеркальной кабине, Мишель не шевелилась. Она смотрела на меня — пристально, снизу вверх, изучая мою челюсть, шрам на щеке, мои глаза. Она не искала слов, она просто впитывала моё присутствие. На её этаже я осторожно опустил её, придерживая за талию так плотно, что между нами не осталось и миллиметра воздуха. Одной рукой она опиралась на моё предплечье, другой дрожаще вставляла ключ в замок.

Как только дверь открылась, я снова поднял её и занес в квартиру.

Здесь было просторно, чисто и залито мягким, приглушенным светом. В воздухе стоял её аромат — теперь он не боролся с запахами паба или бензина, он царил здесь единолично. Дорогой, обволакивающий и такой знакомый.

— Куда тебя? — хрипло спросил я, чувствуя, что моя выдержка на исходе.

Она молча указала пальцем на широкий диван в центре гостиной. Я сделал несколько шагов по мягкому ковру и бережно опустил её на подушки. Когда я попытался выпрямиться, её руки медленно, почти неохотно соскользнули с моей шеи, оставляя после себя ощущение обжигающего холода.

— Я поищу лед, — глухо произнес я, нарушая тишину, которая уже начала вибрировать от напряжения.

Мишель лишь слабо кивнула. Квартира была спроектирована как открытое пространство, так что мне не пришлось бродить по коридорам — огромная кухня-остров была видна прямо из гостиной. Я прошел туда, ощущая себя чужаком в этом стерильном блеске мрамора и хрома.

Открыв массивный морозильник, я не нашел там обычных кубиков льда, зато наткнулся на пакет с замороженными ягодами. Схватив чистое кухонное полотенце, я обернул в него пакет и вернулся к дивану. Весь мой путь Мишель не сводила с меня глаз. В этом взгляде не было хитрости, только какая-то детская, обнаженная уязвимость.

— На, приложи, — я протянул ей сверток.

Она приняла его, её пальцы на мгновение коснулись моих, и я едва не отдернул руку от этого электрического разряда. Мишель приложила холод к лодыжке, чуть вздрогнув.

— Ты уверена, что врач не нужен? — я нахмурился, глядя на её ногу. — Дай мне глянуть... вдруг там перелом.

Она послушно вытянула ногу на диване, открывая её передо мной. Я опустился на колени у её ног. Её кожа была невероятно нежной, атласной, с идеальным педикюром — каждая деталь в ней была безупречной. Я осторожно коснулся её лодыжки, прощупывая кость. Пальцы чувствовали жар, исходящий от кожи, и небольшую припухлость.

— Синевы нет, это хорошо, — констатировал я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Но завтра может раздуться. Тебе нужно будет наложить эластичный бинт и держать ногу на возвышении.

Я поднялся и собрал все подушки, что были на диване, аккуратно уложив их под её ногу. Мишель откинулась назад, опираясь на локти, и наблюдала за каждым моим движением. Она была прекрасна даже сейчас, в этом хаосе: тушь слегка потекла, волосы растрепались, а в глазах застыла растерянность.

— Хочешь воды? — спросил я, лишь бы прервать этот затянувшийся зрительный контакт.

Она кивнула. Я вернулся к кухонному островку, наполнил стакан из запотевшего кувшина и принес ей.

— Спасибо, — прошептала она, принимая стакан. — Спа-

сибо, Кейден... что не бросил меня там.

Я коротко кивнул, чувствуя, как внутри натягивается какая-то невидимая струна. — Тебе нужно еще что-нибудь? Пока я не ушел.

Я уже готов был развернуться и направиться к выходу, спасая остатки своего здравого смысла, но Мишель долго молчала, глядя на меня так, будто от моего ответа зависела её жизнь. Она боялась сказать что-то не то, боялась снова натолкнуться на мой холод.

— Останься со мной, — наконец сорвалось с её губ. Это не был приказ королевы, это была просьба. — Останься, Кейден.

Я замер. В этот момент мне до боли, до физической судороги в груди захотелось согласиться. Забыть про все, про её прошлое, про свою месть — и просто остаться в этом облаке её аромата.

Глава 8.

Мишель

Я сидела на этом огромном, слишком мягком диване и смотрела на Кейдена, затаив дыхание. Каждая секунда тишины казалась мне ударом метронома, отсчитывающим время до моего приговора. Уйдет? Оставит меня здесь одну в этой тишине, наедине с пульсирующей болью в ноге и еще более невыносимой болью в груди?

Я видела, как он замер, как напряглись его широкие плечи. Я видела борьбу в его глазах — этот лед, который он так старательно наращивал последние несколько лет, против того тепла, которое пробивалось наружу, когда он нес меня на руках.

— Мишель, — тихо выдохнул он. Мое имя в его устах прозвучало как надлом.

— Кейден... прошу, — я подалась вперед, не замечая, как пакет с ягодами соскользнул с моей лодыжки на ковер. — Дай мне шанс. Просто один шанс всё исправить. Дай мне возможность загладить вину перед тобой.

Голос дрожал. Я чувствовала себя оголенным проводом.

— Это сводит меня с ума, Кейден. Я не хочу, чтобы ты ненавидел меня. Я не хочу, чтобы ты держал на меня эту обиду...

Горячая слеза обожгла щеку, за ней — вторая. Я не ожи-

дала этого от себя. Я, Мишель Морган, которая никогда не плакала перед мужчинами, сейчас сидела перед ним совершенно разбитая. Все эти дни — с той самой минуты, как я закрыла дверь его комнаты, и все те бесконечные часы, когда я проверяла телефон, надеясь увидеть хоть один символ в ответ на мое сообщение — я была не в себе. Мне физически не хватало его. Это была ломка. Мне был нужен его взгляд, его голос... даже тот холод, которым он меня обдавал, был лучше, чем эта пустота.

Кейден смотрел на мои слезы, и я увидела, как его маска окончательно треснула. Он не выдержал. Он опустился на край дивана и резким, но удивительно бережным движением притянул меня к себе.

Я буквально вросла в его грудь, зарываясь лицом в изгиб его шеи. Мои дрожащие руки взметнулись вверх, обхватывая его за шею, пальцы запутались в коротких волосах на его затылке. Я сжимала его так сильно, будто боялась, что если ослаблю хватку хоть на миллиметр, он растворится в воздухе.

— Тише... тише, Мишель, — его голос вибрировал прямо в моей грудной клетке. — Прошу тебя, не надо.

Он гладил меня по спине, его ладонь накрывала мои лопатки, успокаивая, приручая мой страх. Но я не хотела покоя. Я откинула голову назад, заглядывая в его глаза. В этом полумраке серая радужка почти исчезла, поглощенная огромными, черными зрачками, которые делали его взгляд

пугающе глубоким. Мое дыхание сбилось, когда я увидела, как он смотрит на мои губы.

Я подалась ближе, сокращая последнее расстояние, пока не почувствовала его жаркое, неровное дыхание на своей коже. Это тепло было самым желанным наркотиком в мире.

Кейден больше не боролся. Он крепче сжал меня в своих объятиях, окончательно заявляя права на этот момент, и накрыл мои губы своими. Это не был нежный поцелуй утешения — это была жадная, собственническая ярость человека, который слишком долго заставлял себя ненавидеть ту, которую хотел. Он целовал меня так, будто пытался выпить всё мое раскаяние и слабость, заставляя забыть обо всём, кроме вкуса его кожи и железной хватки его рук, которые теперь не выпускали меня из этой сладкой ловушки.

В этом неистовом напоре я окончательно перестала дышать, но мне и не нужен был воздух. Резкая боль в лодыжке, еще секунду назад пульсировавшая в такт сердцу, бесследно растворилась, вытесненная чем-то гораздо более мощным и сокрушительным. Я отвечала ему с той же отчаянной силой, до боли вплетая пальцы в его волосы и пытаясь вжаться в него еще плотнее, хотя казалось, что ближе уже невозможно. Его губы ощущались одновременно и как долгожданное спасение, и как неизбежное наказание за всё, что я натворила.

— Кейден... — прошептала я прямо в его рот, когда он на секунду отстранился, чтобы сделать рваный вдох. — Отнеси меня в спальню. Прошу.

Он замер. Его взгляд стал тяжелым, почти осязаемым; он впивался в мои глаза, выискивая в их глубине малейший намек на подвох или фальшь. На мгновение мне стало страшно: вдруг он вспомнит, что я — та самая самоуверенная стерва, которая привыкла получать всё по щелчку пальцев? Вдруг он поймет, что наше сближение началось с коварного совета Эспен — «влюби его в себя, чтобы он молчал». Ведь у него была информация, способная в один миг уничтожить мою безупречную репутацию, превратив королеву кампуса в изгоя. Но в ту минуту для меня не существовало этого плана. Не существовало репутации и страха перед разоблачением. Был только этот парень с тяжелыми руками и взглядом, который выворачивал мою душу наизнанку.

Он ничего не ответил. Просто молча подхватил меня под бедра и спину, вставая с дивана. Я уткнулась лицом в его шею, вдыхая его запах — смесь дождя, дешевого стирального порошка и чего-то чисто мужского, от чего кружилась голова. Пока он нес меня через гостиную, я оставляла на его горячей коже робкие поцелуи. Когда мы оказались в спальне, он бережно, будто я была сделана из тончайшего стекла, опустил меня на прохладные шелковые простыни.

Его пальцы коснулись пуговицы моих джинсов. Помогая мне стянуть их, он действовал сосредоточенно, стараясь не задевать опухшую лодыжку. Но когда я, поддавшись импульсу, потянулась к краю своего топа, намереваясь избавиться и от него, Кейден резко перехватил мои ладони. Его пальцы

сжали мои запястья — крепко, властно.

— Ложись, Морган, — его голос был сухим и низким, от него по спине пробежали мурашки. — Я принесу подушки под ногу.

Я в шоке уставилась на него, застыв на локтях. Он не соби-
рался продолжать то, что мы начали в гостиной? Он просто...
ушел обратно. Я растерянно перебралась глубже на кровать.
Когда он вернулся с охапкой декоративных подушек, я по-
чувствовала себя невероятно обнаженной: на мне остались
только тонкие шелковые трусики и топ, едва прикрывающий
грудь.

Кейден на секунду задержал взгляд на изгибе моих бедер
и плоском животе. Я увидела, как на его шее дернулся ка-
дык, а мышцы челюсти напряглись. Но он заставил себя от-
вести глаза. Он аккуратно отодвинул одеяло к изножью кро-
вати, подхватил мою лодыжку и соорудил из подушек высо-
кую опору.

— Плед есть? Чтобы накрыть тебя, — спросил он, глядя
куда-то в сторону.

— В комод... — я указала на правую стену. — Последний
ящик.

Он достал мягкий, белый плюшевый плед и вернулся. Он
укрыл меня полностью, до самого подбородка, старательно
избегая смотреть на открытую часть тела, и лишь мою ногу
оставил поверх пледа, на подушках.

— У тебя есть бинт? Эластичный?

— Кейден, не нужно... — я протянула к нему руку, ловя его ладонь. — Пожалуйста, иди ко мне. Забудь про бинт.

— Где он, Мишель? — он проигнорировал мою мольбу, и его упрямство в этот момент казалось мне самым сексуальным качеством на свете.

— Должен быть в ванной... в одном из ящиков под раковиной.

Пока он скрывался за дверью ванной, я в панике начала вспоминать: не бросила ли я там утром гору косметики или, что еще хуже, грязное белье? Но Кейден вернулся слишком быстро. В его руках был оранжевый рулон бинта.

Он присел на край кровати. Его близость была почти осязаемой. Он начал медленно и очень бережно обматывать мою лодыжку. Его большие, мозолистые пальцы контрастировали с моей бледной кожей. Дыхание перехватило, когда его ладонь скользнула чуть выше, придерживая ногу, и его взгляд на долю секунды замер на том месте, где край пледа открывал вид на мои бедра. Воздух в комнате стал таким густым, что его можно было резать ножом.

Закончив, он встал. Я замерла, боясь, что сейчас он скажет «вызвал такси» и уйдет навсегда. Но Кейден медленно стащил через голову свою толстовку, оставшись в одной футболке, сбросил кроссовки и — к моему немому восторгу — залез на другую сторону кровати.

Я тут же прильнула к нему, как магнит к железу. Я уложила голову на его широкую грудь, чувствуя, как его сердце

колотит рваный ритм. В этой оглушительной тишине спальни, вдыхая его аромат и слушая его прерывистое дыхание, я почувствовала, как по телу разливается тяжелое, сладкое спокойствие.

— Спасибо, Кейден, — прошептала я, чувствуя, как реальность ускользает.

Я не видела его лица, но почувствовала, как его рука тяжело и собственнически легла на мою талию, прижимая меня к себе так крепко, словно он боялся, что я исчезну к утру. И с этим чувством защищенности я мгновенно провалилась в глубокий сон.

Луна заливала спальню холодным, мертвенным светом, превращая очертания мебели в причудливые тени. Я проснулась от того, что мир вокруг меня начал содрогаться. Сначала я не поняла, что происходит: я всё еще лежала на груди у Кейдена, прижатая его тяжелой рукой, но ритм его сердца под моим ухом изменился — он стал неровным, пугающе быстрым.

Он начал метаться. Тихий, утробный звук — что-то среднее между стоном и хрипом — вырвался из его горла, разрезая ночную тишину. Я испуганно приподнялась на локте, наблюдая, как в серебристом свете под тонкой тканью его футболки судорожно перекачиваются мышцы. Его пальцы, которые еще час назад так нежно обнимали меня, теперь скребли простыню, впиваясь ногтями в дорогую ткань, словно он пы-

тался за что-то уцепиться, удержаться на краю разверзшейся под ним бездны. По его телу поползла крупная, неконтролируемая дрожь, передаваясь и мне.

— Нет... — сорвалось с его губ.

Это не был голос того Кейдена, который всегда был серьезен, немногословен и держал дистанцию, пугая своей мрачной непроницаемостью. Это был голос испуганного, захлебывающегося в ужасе парня.

— Папа, назад! Тормози! — закричал он, и в этом крике было столько первобытной боли, что у меня перехватило дыхание.

Его тело выгнулось дугой, и в следующую секунду он буквально взорвался изнутри. Кейден вскинулся на кровати с таким резким, свистящим вдохом, будто ему внезапно перекрыли кислород в вакууме. Его глаза были широко распахнуты, дикие, безумные, но он не видел меня.

Его рука мгновенно взлетела к горлу. Он вцепился в шрамы на шее, сжимая их так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он проверял... проверял, цел ли он?

— Кейден?.. — я не выдержала и робко коснулась его плеча, надеясь вытянуть его из этого ада.

Он отреагировал мгновенно, с животной, пугающей скоростью. Прежде чем я успела осознать, что происходит, он перехватил мою руку и заломил её, вжимая меня в матрас своим весом. Его зрачки были расширены на весь ирис, в них плескался дикий ужас вперемешку с яростью. Он не по-

нимает, друг перед ним или враг.

— Кейден, это я! Мишель! — испуганно вскрикнула я, глядя в его пустые глаза. — Посмотри на меня...

Я пересилила страх и свободной рукой дотронулась до его щеки, обжигаяще горячей от пота. Это прикосновение подействовало как разряд тока. Кейден вздрогнул, его взгляд на мгновение сфокусировался на моем лице, и он тут же отшатнулся, отпуская мою руку, словно обжегся.

Он огляделся по сторонам, тяжело дыша, и в его взгляде читалось полное замешательство. Он смотрел на светлые стены, на мягкий свет ночника, будто не понимая, как оказался в этой уютной тишине моей спальни после того ада, который только что видел во сне. Его лоб блестел от пота, а футболка неприятно липла к телу, выдавая то, насколько реальным был для него этот кошмар.

— Вернись ко мне. Пожалуйста, — прошептала я.

Забыв о боли, я приподнялась, сокращая расстояние между нами. Перебинтованная нога теперь казалась чем-то совершенно незначительным по сравнению с тем, что творилось у него внутри. Я хотела просто обнять его, согреть, показать, что он в безопасности.

Но он уже закрылся. Его обычная серьезность за секунду превратилась в глухую, непробиваемую стену. Он выглядел так, будто его застали за чем-то глубоко личным и постыдным, будто я невольно сорвала занавес, который он поклялся никогда не поднимать.

— Мне нужно идти. Я не могу... — бросил он, даже не глядя на меня.

Кейден действовал лихорадочно, словно за ним кто-то гнался. Он соскочил с кровати, натянул кроссовки, не заботясь о шнурках, сгреб с тумбочки телефон и резко схватил свою толстовку.

— Кейден, подожди! — я попыталась встать, но лодыжка отозвалась резкой, пульсирующей болью.

Хромая и путаясь в подоле пледа, я бросилась за ним в коридор, игнорируя прострелы в ногу. — Стой! Кейден, поговори со мной!

Я выскочила в прихожую, но всё, что я увидела — это захлопнувшуюся дверь. Гулкий, тяжелый щелчок замка прозвучал как выстрел в тишине пустой квартиры. Он ушел. Вылетел, спасаясь от меня и от своего собственного прошлого.

Я осталась стоять босиком на холодном полу, глядя на пустую прихожую. В воздухе еще витал его запах, а на кровати осталась вмятина от его тела, но сам он снова стал для меня недостижим.

Сон окончательно оставил меня. Каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела Кейдена — не того холодного парня из архива, а того, что бился в агонии на моей кровати. Я даже не задумывалась. Ни разу. Почему он всегда так закрыт? Почему его тело кажется таким напряженным, словно он ожидает удара в каждую секунду? Откуда эти шрамы, которые

он так тщательно прячет под плотными тканями?

Спотыкаясь и шипя от резкой боли в лодыжке, я дошла до гостиной. В тишине пустой квартиры звук моих шагов казался оглушительным, а пульсация в ноге — издевательским метрономом. Я схватила макбук с журнального столика и, забравшись с ногами в кресло, застыла над клавиатурой.

В голове всё ещё эхом отдавался его голос — не тот холодный и размеренный, к которому я привыкла, а сорванный, полный первобытного ужаса крик, от которого у меня до сих пор потели ладони.

«Тормози!»

Он кричал это так, будто всё происходило прямо сейчас. Будто он снова был там, за секунду до удара.

Пальцы дрожали, когда я наконец коснулась клавиш и вбила в поисковик: «Цинциннати», «Брукс», «ДТП». Я знала, что ищу. Кошмары не приходят из ниоткуда, а такие крики не рождаются просто от плохих снов.

Экран мигнул, выдавая список ссылок. Мой взгляд сразу зацепился за заголовок.

ЦИНЦИННАТИ: АРХИВ НОВОСТЕЙ 22 октября 2021 г. Смертельное ДТП на трассе I-75: движение было перекрыто на пять часов

В субботу вечером в результате массового столкновения погиб один человек. Черный седан, за рулем которого находился 44-летний Томас Брукс, врезался в обломки перевернувшегося грузовика. Мистер Брукс скончался на месте.

Спасателям потребовалось около часа, чтобы с помощью гидравлического инструмента извлечь пассажира — его 16-летнего сына... Юноша был экстренно доставлен в медицинский центр с травмами, представляющими угрозу для жизни.

Я не заметила, как первая слеза сорвалась с ресниц и упала прямо на горячую клавишу. Около часа. Он провел целый час, зажатый в искореженном железе, в липкой темноте, пропитанной запахом бензина и смерти, рядом с телом своего отца. Пока спасатели буквально вырезали его из того, что когда-то было машиной, он смотрел на человека, которого любил больше всего на свете, и понимал, что тот больше не дышит.

«Гидравлический инструмент». Это значит, что металл смялся как бумага. Теперь я понимала, почему его тело кажется мне «собранным заново». Его и правда собирали. По кусочкам.

Буквы на экране расплылись в серые пятна. В голове не укладывалось: пока я в шестнадцать лет переживала из-за неудачного фото или того, что кто-то не перезвонил после вечеринки, Кейден учился заново дышать. Пока он лежал на операционных столах, пока хирурги латали его лицо, шею, плечо... он, наверное, надеялся, что самое страшное позади. Что мир проявит хоть каплю сочувствия к его искалеченной жизни.

А нашел — нас.

Мы добивали его. Систематически, день за днем, мы топтали человека, который только что буквально восстал из мертвых. Мы смеялись над его закрытостью, над его странной походкой и мрачным видом, не зная, что за каждым его шрамом стоит звук лопающегося стекла и последний хрип его отца.

Самым паршивым было то, что мне даже в голову не приходило поинтересоваться, что с ним случилось на самом деле. Нам было плевать на его историю — нам нужен был повод для шуток, и он идеально подходил на эту роль. Я видела его шрамы, но они были для меня просто изъязном, досадной деталью в его образе «странного парня», а не свидетельством пережитого ада.

Мы не видели в нем человека. Мы видели в нем декорацию для собственного превосходства. И теперь, глядя на экран ноутбука, я понимала, что каждый наш смешок тогда был ударом по его еще не зажившим ранам.

— Господи, Кейден... — прошептала я в пустоту комнаты.

Как он вообще не сошел с ума от этой ненависти? Мне стало тошно от самой себя. От того, как легко я вписалась в толпу «красивых и успешных», для которых Кейден Брукс был просто удобной мишенью для упражнений в остроумии. Вся его озлобленность, его хакерские атаки, его желание растоптать нашу репутацию — это была не просто месть. Это был его крик. Единственный способ заставить нас почувствовать хотя бы крошечную часть той боли, в которой он тонул каж-

дое утро.

Я захлопнула ноутбук, не в силах больше видеть эти сухие строки новостной хроники. Громкий, надрывный плач вырвался из груди. Я сжалась в комок на диване, закрыв лицо руками, и впервые по-настоящему оплакивала не свою сломанную жизнь или испорченную репутацию, а того мальчика, которого мы уничтожили, даже не заметив, что он был живым.

Глава 9.

Кейден

Я бежал так, словно за мной гнались все демоны ада, хотя на самом деле я убегал от одного-единственного человека. Добрых семь миль от её элитного дома до кампуса пролетели в каком-то лихорадочном бреде. Легкие горели, в боку колото так, будто туда всадили раскаленный штырь, но эта физическая боль была мне необходима — она заглушала ту, что рвала меня изнутри.

Когда я ворвался в здание общежития, оно всё еще было погружено в сон. Тишина коридоров давила на уши, но я был благодарен ей: сейчас я меньше всего хотел встретить какого-нибудь заспанного студента и увидеть в его глазах вопрос или, что еще хуже, жалость.

Едва захлопнув за собой дверь комнаты, я прислонился к ней спиной, пытаюсь выровнять дыхание. Воздух выходил из груди с удушающим свистом. Я сорвал с себя промокшую от пота футболку, скинул кроссовки и на неслушающихся ногах зашел в душ.

Я вывернул кран до упора. Ледяная, обжигающая холодом вода ударила по плечам, заставляя кожу мгновенно покрыться мурашками. Я уперся рукой в скользкий кафель и закрыл глаза, подставляя лицо под колючие струи.

Как? Как я мог так расслабиться рядом с ней?

Этот вопрос пульсировал в висках тяжелым молотом. Я ведь знал. Знал, что эти кошмары — мои верные спутники уже пять лет. Они никогда не оставляли меня надолго. Я не собирался засыпать в её постели. Черт, я вообще не должен был заходить в ту спальню. Мой план был простым: донести её, убедиться, что она в безопасности, дожждаться, пока она крепко уснет, и уйти в ночь, сохранив между нами ту спасительную дистанцию.

Но её объятия...

Когда она прильнула ко мне, когда я почувствовал её ровное дыхание на своей груди, что-то во мне сломалось. В этой светлой квартире, пропитанной её ароматом, было слишком тепло. Слишком спокойно. Впервые за долгое время я почувствовал себя не как сломанный механизм, а как человек, у которого есть шанс на нормальную жизнь. Её руки на моей шее казались чем-то настолько родным, что я на мгновение поверил, будто заслужил этот покой.

И эта минутная слабость стоила мне всего.

Я снова увидел тот перекресток. Услышал скрежет сминаемого металла и последний, хриплый вздох отца. Но самое страшное было не в воспоминании. Самое страшное — это когда я открыл глаза и увидел её лицо. Мишель видела меня уничтоженным. Она видела во мне не врага, не палача из архива, а напуганного ребенка, который кричит в пустоту, пытаясь остановить неизбежное.

Теперь она видела мою нагую, изуродованную шрамами

душу. Без брони. Без защиты. Я ненавидел это чувство уязвимости. Я не знал, что мне делать с этой новой правдой, которая теперь стояла между нами. Я чувствовал себя так, будто с меня заживо содрали кожу.

Я сильнее прижался лбом к кафелю, позволяя ледяной воде смывать остатки её нежности, её запаха, её тепла. Но как бы я ни старался, я понимал: мы никогда уже не будем прежними.

Мне удалось провалиться в тяжелый, безрадостный сон еще на пару часов. Когда я открыл глаза, давящая тишина общежития подсказала — воскресенье. Идти никуда не нужно, и это было одновременно благословением и проклятием: у меня появилось слишком много времени, чтобы прокручивать в голове события прошлой ночи.

Чтобы заглушить навязчивые мысли о Мишель, я взял телефон и набрал матери. Ее голос подействовал как слабая анестезия. Она говорила долго и размеренно: о своих новых пациентах в реабилитационном центре, о старой машине, которая снова отказалась заводиться в самый неподходящий момент, о шикарном урожае поздних яблок в этом году — ветки, по ее словам, буквально ломались под их тяжестью.

— У меня всё в порядке, мам, — соврал я, глядя в окно на серые крыши кампуса. — На следующих выходных я приеду и посмотрю, что с машиной. Или, если она нужна тебе срочно, я наберу в сервис и всё оплачу.

— Всё хорошо, дорогой, не беспокойся, — мягко отве-

тила она. — Иногда на автобусе даже приятно проехать. Можно поболтать с соседкой Мартой, обсудить последние новости.

Попрощавшись, я почувствовал знакомый укол вины за то, что скрываю от нее свой внутренний ад. Я поднялся и подошел к небольшому кухонному уголку прямо у себя в комнате. Здесь, на этом крошечном пятачке пространства, я чувствовал себя в относительной безопасности. Достал из маленького холодильника ветчину, помидор и принялся механически сооружать сэндвич.

В тот момент, когда я собирался сделать первый укус, телефон в руках снова задрожал. Я опустил взгляд, ожидая увидеть какое-нибудь системное уведомление, но на экране высветилось имя, от которого внутри всё перевернулось.

Мишель.

Я замер, глядя на мигающие буквы. Сэндвич так и остался лежать на тарелке. Я не просто сбросил вызов — я отшвырнул телефон на край стола, словно он был раскален добела.

Не сейчас. Я не мог заставить себя нажать «ответить». Это было слишком. Всё, что произошло между нами в той квартире — от её близости до моего собственного позорного бегства — казалось неподъемным грузом. Потеря контроля пугала меня больше, чем сама авария. Я привык быть тем, кто держит ситуацию в руках, а теперь я чувствовал себя абсолютно безоружным перед девушкой, которая видела меня сломленным.

Телефон продолжал вибрировать, медленно ползая по столешнице, но я просто смотрел на него, стиснув челюсти так, что заболели зубы. Я видел, как экран гаснет и загорается снова. Она была настойчивой. Она не понимала, что каждое это уведомление — как удар по свежему шраму.

Я не хотел слышать её голос. Не хотел знать, что она думает обо мне теперь, когда маска «непроницаемого Кейдена» была сорвана. Жалость — вот чего я боялся больше всего. Если я услышу в её интонациях хотя бы каплю сочувствия, я окончательно потеряю себя.

Я схватил телефон и длинным нажатием полностью выключил его. Экран погас, оставляя меня в тишине моей комнаты, но тишина не принесла облегчения.

Ближе к вечеру глаза начало нестерпимо жечь. Я горбился над клавиатурой уже несколько часов, вбивая строки кода для теневого букмекерского движка. Брендон и его банда из братства решили запустить эту дрянь в обход всех запретов кампуса, и им нужен был я. Монитор слепил, превращая код в расплывающиеся неоновые нити, но я продолжал отлаживать систему анонимных ставок. Я создавал для этих выродков «невидимый» шлюз, через который тысячи долларов студентов Columbus State будут утекать в их карманы под видом донатов или оплаты учебных пособий.

Грязная работа. Я был цифровым соучастником масштабной аферы, но каждый раз, когда пальцы замирали над клавишей Delete, я напоминал себе: у меня нет другого выхода.

Чтобы оставаться на плаву в этом гребаном университете, мне нужны были деньги, которые не пахнут.

Тихий стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

Я никого не ждал. В воскресенье вечером это место обычно превращалось в склеп. Внутри всё сжалось — я почему-то сразу решил, что это она. Мишель. Пульс ударил в виски тяжелым ритмом. Я замер, тупо уставившись на закрытую дверь, и внутри боролись два зверя: один требовал немедленно сорваться с места, а другой приказывал сидеть тише воды. Я не хотел открывать. Слишком сильно хотел её видеть — и именно от этого осознания мне становилось тошно.

«Уходи», — приказал я мысленно. — «Просто развернись и уйди».

— Кейден? Ты там? — донесся приглушенный голос.

Вики. Это была Вики, девушка из соседней комнаты.

Напряжение в плечах немного спало, сменившись каким-то глухим разочарованием. Я поднялся, чувствуя, как затекли мышцы, и дернул ручку. Вики стояла на пороге, прижимая к груди тарелку с огромным куском торта.

— Привет... извини, я тебя разбудила? — она виновато улыбнулась.

— Нет. Я работал, — голос прозвучал суше, чем я планировал.

Она кивнула на тарелку: — У меня сегодня день рождения. Подумала, может, отвлечешься от своих цифр на кусочек торта?

Мне стало неудобно. Я не хотел быть ублюдком, который пользуется людьми, когда ему это выгодно, а в их праздник выставляет за дверь. Я отступил в сторону, приглашая её войти. Подойдя к столу, я резким движением выключил монитор — мне не нужны были лишние глаза, даже если бы она ничего не поняла в этом хитросплетении функций.

Вики прошла к моей крошечной кухонной зоне, поставила тарелку на столешницу и обернулась. Я сел на край кровати, стараясь выдать из себя подобие вежливости.

— Как прошел день? Хорошо отметила?

Она подошла ближе и присела рядом. От нее пахло чем-то сладким, домашним. — Вроде бы неплохо. Двадцать лет всё-таки. А так хочется двадцать один... — она негромко рассмеялась. — Родители приезжали. Мама сама испекла этот торт. Надеюсь, тебе понравится.

Она продолжала что-то рассказывать про семейный ужин и планы на неделю. Вики была неплохой девушкой. Правильной. Спокойной. Глядя на неё, я пытался заставить себя поверить, что мог бы быть с ней счастлив. Никаких тайн, никаких игр на выживание, никакого адреналина, от которого сводит зубы. Но правда была в том, что рядом с ней я не чувствовал ровным счетом ничего. У меня не перехватывало дыхание так, как рядом с той голубоглазой брюнеткой, которая перевернула мой мир.

И тут в дверь снова постучали.

На этот раз стук был другим. Решительным и в то же вре-

меня каким-то надломленным. Я встал с кровати, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Слишком много гостей для одного воскресенья.

Я открыл дверь.

Мишель. Она стояла в коридоре, непривычно простая — в обычных джинсах, объемной толстовке и кроссовках. Одной рукой она упиралась в косяк, будто ей было трудно стоять. Глаза... её глаза были припухшими и красными. Она что, плакала? Из-за меня?

Сердце пропустило удар. Я уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но вспомнил, что у меня в комнате Вики. Стало поздно. Вики уже встала и подошла к нам, заглядывая мне через плечо.

Мишель замерла. Её взгляд метнулся с меня на девушку в моей комнате и обратно. — Привет! — Вики подала голос, и её тон показался мне невыносимо, приторно дружелюбным в этой звенящей тишине.

Мишель сглотнула. Тень боли полоснула по её лицу, мгновенно сменившись маской ледяного безразличия. — Извини. Я не вовремя, — коротко бросила она.

Она развернулась и, прихрамывая, быстрым шагом направилась прочь по коридору. Я смотрел ей в спину, на её ломаную, неровную походку, и каждое её движение отзывалось во мне глухой, тягучей виной.

Блять... Я сжал челюсти так, что зубы скрипнули.

Я смотрел ей в спину, и в голове был полный хаос. По

идею, я должен был радоваться. Она увидела то, что должна была: я не одинок, я в ней не нуждаюсь, у меня хватает женского внимания. Это должно было поставить точку. Она должна была понять, что я не её уровень, и оставить меня в покое. Мой план сработал идеально, даже не начавшись.

Но единственное, что мне хотелось сделать в эту секунду — это сорваться с места, догнать её прямо в этом чертовом коридоре, прижать к стене и сделать своей. Окончательно. Бесповоротно. Наплевав на Вики, на торт, на букмекерский движок и на всё то, что я так усердно пытался спасти.

Глава 10.

Мишель

Я не шла — я бежала прочь по этим обшарпанным ступеням, которые пахли дешевым чистящим средством и чужой, неустроенной жизнью. Боль в лодыжке, еще утром казавшаяся невыносимой, просто исчезла, выжженная дотла адреналином и тем ледяным оцепенением, что сковало мои внутренности. Мне хотелось только одного: исчезнуть. Стереться из этого пространства до того, как его тяжелый, непонимающий взгляд догонит меня.

Глаза застилали слезы, превращая коридор в расплывчатый туннель из грязно-желтого света. Один раз я всё-таки оступилась, едва не влетев плечом в стену, но даже не замедлилась. Воздух в общежитии казался слишком густым, я задыхалась, захлебываясь собственным унижением.

«Извини, я не вовремя».

Боже, как жалко это прозвучало. Как ничтожно.

Я вылетела на парковку, где осенний ветер тут же ударил в лицо, заставляя слезы обжигать щеки еще сильнее. Пальцы так дрожали, что я дважды уронила ключи, прежде чем смогла открыть дверь своей машины. Едва оказавшись в салоне, я заперла замки — этот щелчок стал единственной защитой, которая у меня осталась.

И тут меня прорвало.

Я облокотилась ладонями и лбом о руль, и мое тело сотряс такой рыдающий спазм, что я едва не захлебнулась. Горло сдавило железным обручем. Обида была не просто эмоцией — она была физической, она давила на грудь, впиваясь в ребра, лишая возможности сделать вдох.

Целый день я была в этом состоянии. Я не спала, я искала информацию о нем, я плакала над его трагедией, я чувствовала каждую его рану как свою. Я приехала сюда, содрав с себя всю свою привычную спесь, приехала в этой дурацкой толстовке, без макияжа, с опухшими глазами... приехала, чтобы сказать, что я всё знаю и что мне не плевать.

А он?

У него в комнате была та самая девица. Я узнала её мгновенно — она крутилась рядом с ним на той вечеринке у братства. Пока я тонула в его прошлом, пока я умирала от жалости и нежности, он просто продолжал жить. Трахаясь с ней за закрытой дверью, пока я, как последняя дура, обрывала ему телефон.

— Какая же ты дура, Мишель... — простонала я, впиваясь ногтями в кожаную оплетку руля. — Какая феерическая дура.

Эта девица вышла к дверям так спокойно, так по-хозяйски. Возможно, она его девушка. Настоящая. Та, которую не нужно прятать, та, с которой ему не нужно строить из себя монстра. А я? Я просто вошла в их жизнь со своим эгоцентризмом и этими гребаными планами Эспен.

Но потом, сквозь пелену боли, пробилась ярость. Резкая, как удар хлыстом по лицу.

Я вспомнила тот чертов архив. Вспомнила, как он стоял там, в полумраке, и заставлял меня касаться самой себя под его пристальным, невыносимым взглядом. Он играл в эти извращенные игры, ломая мою волю, заставляя подчиняться его правилам. Он сам начал это. Он первый пошел на это психологическое издевательство, он первый втянул меня в этот омут, заставив поверить, что между нами есть какая-то болезненная, но связь.

А вчера ночью? Он позволил мне лежать на своей груди. Он позволил мне увидеть свой самый сокровенный ужас, услышать крик, который он годами душил в себе.

Зачем? Чтобы сегодня смотреть на меня так, будто я навязчивая торговка, прервавшая его уютный вечер?

Меня трясло от рыданий и осознания собственного бессилия. Я завела мотор, и звук двигателя показался мне чьим-то надрывным криком. В эту минуту я ненавидела его сильнее, чем когда-либо. Я ненавидела его за то, что он сделал меня уязвимой, и за то, что теперь, зная о его шрамах и об этой аварии, я даже не могла просто проклясть его, не чувствуя, как сердце разрывается на куски.

Я нажала на газ, собираясь вылететь с парковки и навсегда оставить это место в зеркале заднего вида, но резкий, требовательный стук в стекло заставил меня ударить по тормозам. Сердце подпрыгнуло к самому горлу.

Я судорожно вытерла глаза ладонями, пытаюсь разглядеть сквозь пелену слез того, кто стоял снаружи. Там, в густой дорожной тени, возвышался Кейден. Его фигура казалась пугающе огромной, а взгляд — темным, тяжелым, почти осязаемым. В этом взгляде было столько подавленной ярости, что мне на секунду показалось, будто он сейчас разобьет это стекло голыми руками.

Я смотрела на него несколько секунд, не в силах пошевелиться, и только потом дрожащими пальцами опустила стекло наполовину.

— Что ты хочешь, Брукс? — мой голос сорвался, превратившись в жалкий хрип. Я демонстративно вытерла рукавом толстовки мокрый нос, стараясь вернуть себе хотя бы крупицу достоинства.

— Открой мне, Мишель, — его голос был низким, вибрирующим от напряжения.

— Зачем? Я уже уезжала. Извини, что побеспокоила... — я сорвалась на крик, чувствуя, как новая волна истерики подкатывает к горлу. — Я не знаю вообще, зачем я здесь! Уходи к своей...

— Открой чертову дверь, Мишель! — рявкнул он, и в этом приказе было столько первобытной силы, что я испуганно, почти на автомате, нажала на кнопку центрального замка.

Едва раздался щелчок, Кейден рывком распахнул дверь. Холодный ночной воздух ворвался в салон вместе с ним.

Прежде чем я успела выдохнуть, его ладони — огромные, горячие, грубые — захватили моё лицо. Он впился пальцами в мои волосы, фиксируя мою голову, и накинудся на мои губы, как дикий, изголодавшийся зверь.

Это не было нежностью. Это было нападением. Его губы сминали мои с такой жадностью, будто он пытался выпить мой крик, мою боль, мою самую жизнь. Он прижимал меня к себе, игнорируя руль и неудобное сиденье, нависая надо мной всей своей тяжестью.

В первую секунду меня парализовал ужас. Я в панике и полном недоумении попыталась оттолкнуть его, упиравшись ладонями в его твердую грудь, но он держал так крепко, что любая попытка отступить казалась бессмысленной. Его язык властно ворвался в мой рот, забирая всё пространство, не оставляя выбора.

И в этот момент что-то внутри меня оборвалось. Сопротивление превратилось в мольбу. Я всхлипнула прямо ему в губы и, поддаваясь этому безумному ритму, вцепилась в его футболку, комкая ткань, притягивая его еще ближе, если это вообще было возможно. Я раскрылась ему навстречу, впуская его глубже, отвечая с той же яростной страстью, которая сжигала его.

В этот момент для меня перестало существовать всё: проходящие мимо студенты, свет фонарей, моё разбитое сердце, его прошлое. Мир сузился до этого тесного салона, до вкуса его губ — смеси дождя, табака и отчаяния. Я слышала толь-

ко наше рваное дыхание и влажный, грешный звук поцелуя, который ставил клеймо на моей душе. Это было падение в бездну, и я добровольно летела вниз, сжимая его плечи и понимая, что теперь я окончательно и бесповоротно принадлежу этому монстру со шрамами.

Он оторвался от моих губ так же резко, как и напал. Тишину салона нарушало только наше тяжелое, рваное дыхание, которое облачками пара оседало на лобовом стекле. Его пальцы всё еще зарывались в мои волосы, но хватка стала мягче, почти болезненное.

Я смотрела на него, чувствуя, как горят и пульсируют мои губы, как внутри всё еще дрожит натянутая до предела струна. В его глазах, обычно таких непроницаемых и холодных, сейчас плескался хаос — смесь желания, злости на самого себя и той самой уязвимости, которую он так отчаянно пытался сжечь.

— И что теперь? — прошептала я.

Мой голос дрожал, а в голове всё еще крутились кадры: он, его комната, та девушка... Но тепло его рук, всё еще сжимающих мое лицо, заставляло все эти мысли меркнуть.

Кейден замер. На мгновение мне показалось, что он снова наденет свою броню и просто уйдет, оставив меня одну в этой темноте. Но он медленно выпрямился, убирая руки. Он отвел взгляд в сторону, на пустую парковку, и шумно выдохнул, будто сбрасывал с плеч непосильный груз.

В его профиле снова проступила та привычная, жесткая

серьезность, но в углах губ затаилось что-то новое.

— Теперь, — он наконец посмотрел на меня, и в его глазах вспыхнул тот самый опасный огонек, от которого у меня по коже пошли мурашки, — теперь ты подвинешь свой сладкий зад на соседнее сиденье, Морган, и я отвезу тебя к тебе. В постель.

Доехав до нужного этажа, я дрожащими пальцами повернула ключ. Как только дверь захлопнулась, мы оказались в густой, обволакивающей темноте апартаментов, которую лишь едва разбавлял тусклый свет светильника на кухонном гарнитуре. Я бросила ключи на комод у входа, и звук металла о дерево показался оглушительным в этой звенящей тишине.

Я медленно повернулась к нему. Кейден уже надвигался на меня — огромная, темная тень, лишаящая воли. Прежде чем я успела выдохнуть, его рука собственнически легла мне на шею, фиксируя на месте, а вторая мертвой хваткой вцепилась в талию, притягивая к себе. Он впился в мои губы настырно, властно, словно заявляя свои права на каждый мой вдох.

Внутри всё взорвалось. Я начала лихорадочно стягивать с него футболку, путаясь в ткани, чувствуя под ладонями его раскаленную кожу. Кейден подхватил меня под бедра, и я инстинктивно обхватила его ногами, прижимаясь так близко, что чувствовала каждый удар его бешеного сердца.

Он понес меня в спальню, как и обещал. Опустил на кро-

вать, но не навалился сверху, а спустился к моим ногам. Я тяжело дышала, наблюдая за ним сквозь полуприкрытые веки. Его взгляд был сосредоточенным и диким. Он снял с меня кроссовки, отбросил носки, а затем его пальцы легли на пуговицу моих джинсов. Щелчок. Звук расходящейся молнии отозвался дрожью внизу живота. Он стягивал деним медленно, не сводя глаз с моего лица, а я не могла оторвать взгляда от его рук — сильных, мозолистых, уверенных.

Когда я осталась в одних трусиках и толстовке, он вдруг замер. Кейден склонился и прикоснулся губами к моей многострадальной лодыжке — нежно, почти благоговейно, обжигая кожу горячим дыханием. Этот контраст между его грубостью и этой нежностью окончательно добил меня.

Я рывком скинула толстовку, оставаясь в одном спортивном топике. Мои трусики уже были насквозь мокрыми, ткань неприятно и одновременно сладко липла к коже. Оперевшись на локти, я наблюдала, как он поднимается поцелуями выше по моей ноге, дюйм за дюймом, неумолимо приближаясь к самому центру. Его рука скользнула по другому бедру, поглаживая, а затем большой палец накрыл клитор прямо через промокшую ткань. Надавил.

— М-м... — я выгнулась, откидывая голову назад, когда по телу прошел первый мощный разряд.

Он не останавливался. Поднимаясь выше, он целовал мой живот, а его руки уже тянулись к краю толика. Одним плавным движением он сорвал его с меня и отбросил в темноту.

Я привстала, навстречу его телу, и мои пальцы нашли ширинку его джинсов. Кейден замер, наблюдая за моими движениями, его палец медленно очертил мою нижнюю губу.

Когда я освободила его член — налитый, пульсирующий, огромный — я не удержалась и коснулась его самой верхушки. Взгляд Кейдена в ту же секунду стал совершенно безумным. Он просунул большой палец мне в рот, грубо надавливая на язык, заставляя подчиниться. Я начала сосать его палец, одновременно сжимая ладонью его плоть, чувствуя, как он вздрагивает под моими пальцами. Его дыхание стало рваным, тяжелым, он закрыл глаза, сдерживая рык.

Вытащив палец, он быстро достал из кармана презерватив. Оставшаяся одежда с него полетела на пол в считанные секунды. Кейден навис надо мной, захватил ртом сосок, вылизывая и прикусывая его, отчего из моей груди вырвался надрывный стон. Когда его рука скользнула к краю моих трусиков и стянула их, я уже не могла контролировать себя.

— Пожалуйста, Кейден... — простонала я, видя, что на головке его члена уже блестит предсемя.

Он быстрым движением разорвал упаковку зубами и надел защиту. — Мишель, послушай, — он заставил меня посмотреть ему в глаза. Голос его вибрировал от напряжения. — Если будет слишком... если больно... ты скажешь мне. Ладно?

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Он начал дразнить меня, медленно водя головкой по мо-

им разгоряченным, влажным складкам, заставляя меня буквально умолять о большем. И затем — медленный, мучительный вход. Мы оба одновременно застонали от этого запредельного чувства.

Сначала он двигался осторожно, почти бережно, словно боялся, что я действительно хрупкая и могу сломаться. Но мне не нужна была эта нежность, не сейчас. Я притянула его за затылок, впиваясь в его губы, и прошептала прямо в них: — Кейден, не нужно сдерживаться. Прошу.

Это стало детонатором. Он затянул меня в новый, яростный поцелуй и начал двигаться быстрее. Мощные, напористые толчки выбивали из меня воздух. Я была на грани, мои руки невольно скользнули по его спине, я хотела вцепиться в него, но резко замерла, коснувшись неровной ткани шрамов.

Кейден заметил это замешательство. Его взгляд потемнел еще сильнее, и он начал вдавливать в меня с какой-то дикой, первобытной яростью, будто доказывая, что эти шрамы — лишь броня. Это было так сильно, так глубоко, что я чувствовала его в самом центре своего существа.

Стены комнаты поплыли. Я выгнулась дугой, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел, и сорвалась в оргазм, засасывая его в себя, выкрикивая его имя в пустоту спальни. Спустя мгновение, с последним мощным толчком, Кейден содрогнулся и кончил вслед за мной, наваливаясь на меня всей своей тяжестью и пряча лицо в изгибе моей шеи.

В эту минуту мы оба были просто живыми. Без прошлого,

без боли, без секретов. Только два разбитых сердца, которые наконец-то забились в унисон.

Тишина после бури оказалась обманчивой. Пока Кейден восстанавливал дыхание, уткнувшись мне в шею, внутри меня внезапно ожила та самая колючая, ядовитая мысль, которую я пыталась утопить в экстазе. Она ударила под дых, выбивая весь кислород.

— Кейден... — мой голос прозвучал глухо и надтреснуто.

Он медленно поднялся на локтях, вглядываясь в мое лицо. В его взгляде еще метались остатки страсти, но я уже чувствовала, как между нами снова вырастает стена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.